

СМЕНА

11

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Спутник выходит на орбиту.

Рисунок П. ШУЛЬГИНА.

Мчится третий советский спутник
По Вселенной вокруг земли.
Чудеса вошли в наши будни
И гражданство в них обрели!

Мчится спутник в просторе
звездном,
Никому не грозя войны.
Он под красной звездой создан
Нашей партией и страной.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Июнь, № 11, 1958 год.

Год
издания
35-й

КЛАСС ЕДЕТ В ТЕМИР-ТАУ

Сотни дорог открыты перед выпускниками десятых классов, но как важно выбрать одну—самую верную и нужную для народа! Выпускники Селезневской средней школы, которых вы видите на этом снимке, такую дорогу уже выбрали: всем классом они едут в Темир-Тау, на строительство Каратандинского металлургического комбината. Вместе с ребятами решила поехать в далекие края и классный руководитель Э. И. Груздева (на снимке в центре).

Недолго длилось комсомольское собрание, посвященное предстоящей поездке. Выступления были немногословными, решение короткое: XIII съезд комсомола призывает — едем! Об этом юные патриоты и написали в Смоленский обком комсомола: «На великие стройки коммунизма призывает партия сильную духом молодежь. Узнав, что в Казахстане создается гигант черной металлургии, мы изъявляем желание поехать на эту стройку и тем самым внести вклад в общее дело».

А через несколько дней почти селезневцев поддержали учащиеся Тирянской средней школы. Вот их письмо: «Мы решили всем классом поехать на новостройки Сибири или Казахстана.

Три последние года, проведенные в школе, особенно сдружили нас. Нам не хочется разлучаться, и потому мы просим направить всех на одну стройку. В нашем искреннем стремлении отдать свои силы Родине нас вдохновляют образы комсомольцев, которые по велению сердца, по призыву партии отправились на стройки в Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток. Мы выполним любую работу».

«Мы выполним любую работу!». Тысячи юношей и девушек проносят сегодня эти слова, звучащие как клятвы. Целями классами едут на новостройки выпускники многих школ страны. Счастливого пути вам, дорогие друзья!

НАС В МАГАДАНЕ

В живописной долине реки Дебин расположен золотой прииск «Бурхала».
Фото Т. Петерсона.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

По решению XIII съезда ВЛКСМ на ноябрьской Севера, Востока и в Казахстане будет направлено не менее миллиона юношей и девушек. Вот мы и решили послать вам небольшой материал о Магаданской области. Надеемся, что он даст молодым патриотам, мечтающим служить Родине там, где они сейчас особенно нужны, некоторое представление о нашей северной области, ее суровой и прекрасной природе, о труде изыскателей, о молодом центре крайнего северо-востока нашей страны — Магадане.

Старший инженер-геолог
В. СОФРОВОВ,
топограф
Т. ПЕТЕРСОН

На дальнем северо-востоке нашей Родины раскинулась одна из самых больших областей Советского Союза — Магаданская. На ее территории могли бы свободно разместиться Великобритания, Германия, Франция, Дания, Голландия, Швеция, Бельгия и Люксембург. Миллион двести тысяч квадратных километров — вот какое громадное пространство занимает эта область, омываемая четырьмя морями — Восточно-Сибирским, Чукотским, Беринговым и Охотским.

Бухта Нагавга — основное морское ворота области, сюда приходят океанские суда с Дальнего Востока, а иногда и из Архангельска, пробираясь сквозь льды полярных морей. На берегу бухты,

на водоразделе между морем и небольшой озерной речкой, находится центр области, город Магадан, жители которого на восемь часов раньше восставших начинают трудовой день. За четверть века своего существования Магадан пережил уже несколько стадий: палаточный, барачный, деревянно-двуэтажный и сейчас вступил основными улицами и площадями в каменно-индустриальную.

Из морского порта Нагавга в город ведет отличное шоссе, перекладываемое в Портовую улочку. Еще недавно здесь шумела тайга и в непролазных зарослях кедровника бродили медведи. Лет пять назад вдоль улицы тянулись только узкие серые земляные склады, возле которых одиноко стояла убогая забарка — таевская диспетчерская, — а посреди улицы, около автозаправочной, круглый дом не вымытая и не вымороженая лужа с радужной поблескивающей малятой. Отсюда уходили тогда в тайгу колонны автомашин с техникой и продовольствием, уезжали в горы геологи — разведчики золота и оловянных россыпей, прогнали в далекий путь изыскатели, исследователи скальных и до сих пор еще окончательно на исследованных богатств Колымского края...

Портовая улица выводит на проспект имени Ленина. Патриоты своего молодого города — магаданцы уверяют, что это самая большая проспект в мире.

В этом есть значительная доля правды. Проспект начинается на вершине водораздела, под опорами шестидесятиметровой телевизионной башни, которую в аквизионном году монтировала и поднимала комсомольско-молодежная бригада строителей. Отсюда, от башни, от будущей площадки Мира, конитры которой пока только намечаются, прямой, как стрела, проспект пересекает город и уходит на север, в тайгу. Влившись в Колымское шоссе, он тянется на полторы тысячи километров, проходит через всю область и добрую часть Якутии, переваливает горные цепи, отроги хребта Черского, перескакивает реки Миндирку и Колыму, пробегает над свергающими на солнце гигантскими валами долины реки Арчин-Юрях, стремительно взбирается по склонам древних ледников на Верхозинский хребт и заканчивается на берегу Алдана.

Только очень условно, пожалуй, исключительно для удобства почтового адреса, считается, что проспект заканчивается, а шоссе начинается у реки Магаданки. И проспект и город давно уже перешагнули реку. На левом берегу ее вершине цепь районов, называемая колорад (Глинбиотка, Новые гаражи) простирается в литературу, чтобы занять там место рядом с одесскими Ближними Мальшаними и Мордованкой.

На надо бы старшим, чтобы помнить проспект совсем новым: еще недавно он был зарослен только низкими дюжатыми березками. По обеим сторонам его таежные тогда стругуры в три-четыре доски, концы пришитые к лагам. На всем проспекте не было ни одного дерева. Сейчас здесь поднялись многоэтажные каменные дома, вдоль тротуаров из бетонных плит разбиты газоны с кустами шиповника и многолетними лиственницами, доставленными из тайги. Очень хороши и наряден проспект имени Ленина равнин весенним утром, когда только что испарившаяся в Тихом океане солнце медленно поднимается над бухтой Васелой, как немая, по-домашнему называемая магаданцы бухта Гертнера, и замигает золотисто-оранжевый свет в окнах верхних этажей. Но самое впечатляющее от проспекта, да и от всего города, получают те, кто поздним вечером возвращается из далекой таежной командировки. Даже издали тогда струится с золотым огнем загоревшая перед морем городские огней, которые внезапно взрываются онують и заливают правый берег реки Магаданки. В этом сверкающем море огня, постепенно и незаметно сливающихся с мерцающими огнями Млечного Пути, четко выделяются двойное сияние маяков и светлый фонет на проспекте имени Ленина и красная звезда на мачте телевизионного центра...

В городе много красивых зданий, улиц и площадей. Тот, кто приезжает в наш город, сможет познакомиться с нашим светлым зданием гостиницы или другой архитектурной достопримечательностью города — Дворцом физкультур и спорта, который подарил молодежи Крайнего Севера Советское правительство. Скоро магаданская молодежь, увлекающаяся лыжным спортом,

получит новый подарок — лыжный трамплин. Над проектом его разработает страстный спортсмен, горный лыжник и стрелок, молодой архитектор Бугуруза. А на оледеневшей плавательный бассейн...

В городе много хороших школ, в которых обучаются не только дети, но и взрослые, те, кому война или другие обстоятельства помешали своевременно получить среднее образование. Мы мечтаем о том, что у нас скоро будут свои институты горной, медицинской, педагогической... И это не пустая мечта: в городе уже есть горногеологический техникум, есть учебно-консультационный пункт Ученно-исследовательского технического института, где сотни людей готовятся стать горными инженерами, технологами, строителями, электриками...

Рассказ о Магадане не будет полным, если не сказать, что напротив школы № 1 стоит здание областного Музыкально-драматического театра имени Горького, построенное по проекту архитектора Юргенсона. Именно на месте этого театра двадцать лет лет назад к молодому топографу Клеменцову, прокладывавшему в тайге улочку имени Сталина, из густых зарослей кедровника вышел прямо и теодолит хозяин тайги — бурый медведь. Конечно, об этом не вспоминают сейчас, но не исключается в этом театре игры артистов, вальсами искусством городского сводного хора или выступлением квартета имени Рихиского-Корсакова.

Город нечетырехэтажных. На углу улиц Парковой и Горького

Эту телевизионную башню монтировала и поднимала комсомольско-молодежная бригада магаданских строителей.

га недавно заселен большой, 74-квартирный дом по соседству с имен башенки храм поднимает башня, кирпич и раствор на леса нового строящегося дома.

Колонны машины и автобусы непрерывной чередой уходят по проспекту имени Ленина, по Колымскому шоссе на север, в тайгу, где тысячи горняков добывают золото, уголь, олово, где разворачивается огромное промышленное строительство.

Свершим и мы небольшой рейс в тайгу, покинув уже знакомый нам город.

Примерно в тридцати километрах от Магадана протекает горная река Дукча. В ее истоках разместились пионерлагеря. Магаданцы любовно называют его «Северным Арктоном». Летом по реке Дукче поднимаются метать икру горбуша, кета, жижик. Созершав свои «крутообороты» в природе, пройма три — четыре года. Отлетают в море (самом богатом в мире рыбой), взрослая рыба возвращается метать икру, так сказать, «в свои пенаты», туда, где она сама вывелась из икры... В нижнем течении реки расположился союзхоз «Этот союзхоз снабжает магаданцев капустой, картошкой, помидорами, мясом, снабжает вопреки бытовашему когда-то мнению, что свои озоны на Крайнем Севере — это несбыточные, фантастические мечты!

Примерно в ста километрах от города — отроги диких гор, глухая тайга, заросли лиственнички и ольха.

Особенно на желтом и коричневом фоне листья пламенеют оранжевые гроздья низкорослой рябины, по земле стелется сплошной ковер винозеленой листвы и ярко горят красные ягоды брусники — центнеры и тонны первосортных, неизменных полярных ягод...

Дальше, в глубине области, — обширный кольцевой пейзаж: горные кражи, голые вершины и грёбни, дремучие заросли кедровника на склонах, хмурые распадки — узкие расщелины в горах. Летом по дну распадков несутся бурные потоки, с грохотом волоча громадные глыбы, низвергаются водопадами, взметаясь вверх тысячами свержающих брызг.

Почти в пятистах километрах от Магадана, в живописной долине реки Добин, в лиственничной тайге и распадках «буржуазная». Зимой и летом по долине разносятся рокот автомашин, гул взрывов, приглушенный грохот промышленных машин.

Здесь в прошлом году начал работать новый прииск «Советский», строятся жилые дома, школа, амбулатория, баня.

Землей, когда морозы достигают пятидесяти градусов, над тайгой голубеет ясное, безоблачное небо, при восходах и закатах солнца горизонт переливается неизменными оттенками оранжевого, розового, красного цветов, верно передать которые можно только акварелью; по ночам на фоне ярко горящих созвездий поднимаются сполохи северного сияния.

А летом тайга бурно расцветает, наряжается в пышные зеленые одежды, и стоит такая теплыня, что трудно поверить, что эта долина расположена так далеко на севере...

Еще дальше на север, в долине реки Беревех, — большие, многолюдные поселки, десятки богатейших золотых участков, глубокие шахты и плавучие фабрики, которые добывают и тщательно промывают золотоносную породу. В поселках — центральное отопление, электрическое освещение, школы и больницы, клубы и кинотеатры. Клуб в поселке Сусуман, например, — это большое двухэтажное здание со зрительным залом на триста с лишним мест.

За последние годы в Магаданскую область по призыву партии,

по путевкам комсомола пришло несколько тысяч молодых патриотов. Все они работают сейчас на горных предприятиях и стройках, в полых партиях, осваивают сложнейшие и увлекательнейшие профессии, учатся в аэрических и вечерних школах, техникумах, институтах... Им, вчерашним москвичам, ленинградцам, киевлянам, рязанцам, одеситам, с каждым днем все суровый край становится ближе и роднее... Промышляя, прорабатывая лавры или дежуя из Курска или Днепропетровска здесь, на Севере, несколько лет, придет в отпуск «на материк» и вдруг с изумлением почувствует, что даже в отпуску тоскует по горным долинам, сполхам северного сияния, оранжево-золотым зорям, по своему промышленному прибору или экскаватору, по торжественной тишине пункта управления электростанции, по шуму толпы товарищей, спешащих на смену в шахту...

Рассказывая о жизни и работе на Севере, они свое повествование будут начинать одним и тем же неизменным вступлением:

— У нас в Магадане...

Молодые друзья! Приезжайте и вы к нам сюда, на Север, в Магаданскую область. Здесь каждого из вас ждет увлекательная работа. Если, прочтя эти строки, вы подумаете, что здесь уже сделаны все большие и интересные дела, что уже кончилась «северная романтика», то ошибетесь. У нас еще очень много больших и важных дел, надо будет преодолеть еще немало трудностей, затратить много труда, чтобы не осталось в области таких уголков, где и сейчас еще стоит вьюжная тишина.

Правое, приезжайте к нам в Магадан!

В. СОФРОНОВ,
старший инженер-геолог.

На этом месте была тайга. А сейчас здесь возмужает здание Музыкально-драматического театра имени Горького.

На берегу таежной реки молодые топографы намечают трассу высоковольтной передачи.

Творческое волокно

Научный сотрудник института искусственного волокна Галина Терехова исследует сырье для получения лавсана

Постановление Пленума ЦК КПСС об ускорении развития химической промышленности встречено советской молодежью с горячим одобрением и энтузиазмом.

Огромная программа намечена партией! Производство важнейших химических продуктов возрастет в 1959-1965 годах не менее чем в 2-3 раза. Искусственных и синтетических волокон будет производится к концу 1965 года в 4,6 раза больше, чем в нынешнем году, пластических масс и синтетических смол — в 8 раз, синтетического каучука — в 3,4 раза.

Последние открытия советских ученых-химиков позволили создать невиданные материалы, из которых можно изготовить шелк и ткани, обувь и трикотаж, детали машины и точнейшую аппаратуру. Применение синтетических материалов намного удешевит промышленную продукцию, уменьшит себестоимость строительства заводов и фабрик, школ и больниц, жилых домов.

Из синтетических волокон и пластических масс будут изготавливаться прочные, легкие, дешевле и удобные вещи. Небывало расширится выпуск товаров, необходимых народу. К 1965 году наша промышленность сможет доставить выпуск шерстяных тканей до 200 миллионов метров, шелковых тканей — до 1 миллиарда 485 миллионов метров, хлопчатобумажных тканей — до 480 миллионов метров, трикотажных изделий — до 940 миллионов шпунт, обуви — до 515 миллионов пар и т. д.

Чтобы осуществить эту программу, будут строиться десятки новых химических заводов. Комсомольцам есть над чем потрудиться!

XIII съезд ВЛКСМ объявил шефство над строительством предприятий химической, нефтяной и газовой промышленности, решил направить на эти стройки тысячи отрядов молодежи. В Татарии и Башкирии, в Азербайджане и Узбекистане, в Армении и Грузии, на Украине и в Ставрополье вырастут химические предприятия. Первые шефство с добровольцами уже принимают на комсомольские стройки.

Большой поход начал комсомолец! Не оставайся в стороне, товарищ!

Лаборатория Всесоюзного научно-исследовательского института искусственного волокна. Обстановка самая обычная. На столах колбы, реторты, каплетники, приборы, аппараты, опутанные нитями проводов. Лаборатория очень молодая, и дело, которым здесь все заняты, очень новое, но зато так многообещающее.

Легчайшая ткань из нефтяных газов! Еще вчера это могло звучать странно, пожалуй, даже фантастично, но сегодня стало реальным фактом.

Галина Терехова склонилась над колбой, она сосредоточенно смотрит в сосуд с кристалликами.

— Порошкообразная белая масса приготовлена из продуктов переработки нефти, — говорит девушка. — Это очень сложный процесс. Из варочного сосуда смола вы-

ходит в виде твердой ленты, которая затем дробится в кристаллики, а те, в свою очередь, снова «варятся», но уже в колбе.

Вот кристаллики в колбе расплавились. Они превратились в прозрачную вязкую массу. Теперь из этой гущи можно «претать» пряжу.

«Прядильный станок» прост, но своеобразен. Это металлическая пластинка с наименьшими отверстиями. Под горячим паром вязкая масса продавливается через пластинку. Из ее отверстий вытягиваются прозрачные тонкие нити. Настоящие паутинки!

Но «пряжа» еще не готова. Нити дополнительно нужно обработать, прежде чем соткать из них ткань. Их вымывают, усаживают, скручивают, склеивают, образуют одну нить.

— Вот он, наш лавсан! — Девушка подает моток шероховатых нитей. — Он в пять раз прочнее шерсти, красив, гигиеничен и совершенно не мнется. Юбка-пантесон, изготовленная из этого волокна, не теряет формы даже после стирки. Для того, чтобы убедиться в этом, взгляните на ткани и костюмы из лавсана на нашей выставке. Скоро подобные изделия будут в изобилии и в магазинах.

— Почему новое волокно назвали лавсаном?

— Слово «лавсан» составлено из первых букв названия Лаборатории высокомолекулярных соединений Академии наук, где было создано это волокно.

Много потрудились молодые ученые над созданием чудесного волокна. Потрудились горячо, с любовью! Тут сказались прекрасное качество советской науки — служить человеку, удовлетворять его потребности и запросы.

Есть один небольшой экспериментальный завод, принадлежавший Всесоюзному научно-исследовательскому институту искусственного волокна. На этом заводе молодые ученые и инженеры создали опытную установку по выпуску лавсана. Волокно нуждалось в «доводке». Требовалось сделать нить еще тоньше, чтобы можно было изготовить шерстоподобную пряжу. Сотни волокон скручивались в одно. Исследовались возможности крашения лавсана, который, как оказалось, не дает с кристаллами.

Борис Петухов, Галина Терехова, Людмила Сак, Михаил Нехов занялись созданием и усовершенствованием технологии производства лавсана. К их услугам были предоставлены прекрасное оборудованный цех, современные приборы. В результате мы получили удивительный материал. В результате ученым удалось изготовить такое волокно, что оно тут же пошло «путевку» в жизнь. Уже появились ткани из лавсана. Скоро лавсан войдет в наш быт и ста-

нет привычным, обыденным, как, скажем, вискоза, капрон.

Рядом с лабораторией лавсана расположена лаборатория корабельных волокон. Научные сотрудники этой лаборатории создали другое синтетическое волокно — нитрон.

Нитрон — тот же лавсан. Он изготовляется из тех же нефтяных и природных газов и пологих. Но в шелк. Но шелк из нитрона обладает многими качествами шерсти, и из него можно изготовлять различные ткани. Можно сделать брезент, ткань для обивки мебели, одежду, нежнейший трикотаж для белья, меховую шубу. Все эти изделия можно увидеть на Всесоюзной промышленной выставке.

Несколько слов об экспонатах выставки. Многие из того, что вы видите здесь, представляются недавно в мечтах. Переход от стекла к стеклу, не перестаешь изумляться диковинным вещам, приготовленным на различных заводах. Посетитель выставки любуется хлорвиниловым бельем, которое обладает замечательной способностью заживлять людей от разных болезней. Трение тела о хлорвиниловую рубашку вызывает микроскопические электрические разряды, которые благотворно действуют на организм. Медицина знает тысячи случаев излечения людей от ревматизма, радикулита и других недугов.

Пройдет немного времени, и одежда из искусственных тканей станет обычной. Уже сейчас есть одежда из искусственных синтетических волокон. Кроме лавсана, нитрона, полученных из нефти, эластик, анид, фторлон. Материалов, подобных этим веществам, нет в природе. Вещества, подобные им, перекрашено, боевому девицу великого преобразователя природы Мичурина, советский человек не жает милостей от природы, а берет их у нее в смеюль, решительно битая.

О замечательных вещах, которые сегодня создают советские химики, металлурги, прославленные конструкторы русской науки Менделеев, Бутлеров.

О том, как в химических лабораториях создаются новые синтетические, искусственные материалы, из которых делаются такие чудеса, как искусственный шелк, об этом пишется тысяча научных сочинений.

Со школьной скамьи мы знаем о молекуле — наименьшей химической частице вещества. Молекула — это своего рода «атомарский кирпичик». Можно войти внутрь вещества и «помолотать» в нем все его «кирпичики», получив совершенно новые химические соединения. Так и делают ученые. Из малых молекул они «строят» гигантские искусственные молекулы. Поэтому вещества, созданные из этих молекул, уже не имеют отношения к живой природе. Химик заранее задает этому веществу определенные свойства и по заданному плану изготовляет его. Так были получены лавсан, нитрон и другие искусственные материалы. Так и делают ученые. Ученые подсчитали, что один завод, способный изготовить 30 тысяч тонн синтетической пряжи в год, можно заменить по шерсти стадо овец в 18 миллионов голов. Такие заводы в скором времени будут созданы.

Г. ОГОЛЬЦОВ

Первое письмо

Рассказ

В № 9 журнала «Смена» был опубликован рассказ о К. Воробьеве «Верное сердце». Редакция получила много откликов на него. Читатели просят познакомиться их с Константином Воробьевым, с его новыми произведениями.

Константин Дмитриевич Воробьев родился в 1919 году в Курской области. Юношей приехал в Москву, работал уборщиком в магазине, грузчиком, а вечерами учился. Затем стал профессиональным журналистом. Войну Воробьев закончил командиром отдельной партизанской группы в Литве.

В настоящее время Воробьев живет и работает в Вильнюсе, возглавляет русскую секцию Союза писателей Литовской ССР.

В 1956 году в Вильнюсом издательство выпустил первый сборник его рассказов — «Подземелья», а в нынешнем году — еще один сборник — «Соревнование». Недавно в журнале «Нева» напечатана его повесть «Последние хутора».

«Первое письмо» — новый рассказ Константина Воробьева.

Пешком летом я жил в Лосеаве — дачной деревне из полутора десятков домов, привыкшихся на опухшие эламиниты в нашем краю пуши. Хозяин, у которого я снимал жилье, числился в артели надомным сапожником, зачем-то приторвался зарыть и душным человеком. У него были разноцветные глаза — один голубой, а другой карий. Голубой обливал лаской, карий — злобой. Просыпался хозяин чуть свет, шел в одном белье в палисадник, просовывал голову в окно мой комнаты и, опасливо трогая клавиатуру пишущей машинки, сиповатым со сна голосом спрашивал:

— Уже марекуете?

— Тружусь, Адам Егорович... коротко отвечал я, но это не сообщало ему уважения к моему занятию. Он тикомко жижнал и подмигивал темноватым глазом, будто намекая на что-то скверное, что я только что урядкой сделал, а он поджидает. Потом вытравлял глаза, зоты оставались они сухими и зитировато-настороженными, и в десятый раз повторялся:

— А, говорите, платат за зтой Уд-денталью! На чем толкует городские не поадедуляють!..

Я сразу припомнил косячки на своих ботинках — Адам Егорович взял с меня за них шесть рублей вместо одного, — и мне хотелось сказать ему нечто определенное твердое, но сознание, что Адам Егорович — хозяин, удерживало меня от этого.

Так нас заставляло солнце. Хозяин уходил одеваться, но в палисадник вбегал восьмилетний дачник — мой сосед. Он зарывался толстой тушкой в анютины глазки и толстым голосом вопил мне хочу-ух. Простоволосая мамаша протягивала к нему связку

изгородь яйцо и колоратурным soprano молаще грозина:

— Вылей третья, говорю! Вылей и не вынимай из меня последнее сердце.

На крыльях маялся Адам Егорович. Он мнимал подсчитывать смятые головки шветов, и мне приходилось отправляться в лес...

Верстак в чухрах от Лосеави я знал одно дремучее место. Там постоянно тамся сумрак и прядали одряхлевшие вороны. Между седых сосен большие лауки ткали липное тугие сети. Длинные легкие шворцы непугливо шныряли по земле, и временами что-

то непугево ухало на дне низины, у протекавшего там ручья. Я приходил сюда с ружьем — для бодрости — и с корзинкой для борунков; росли они тут сильные, коричневые, плохие. Чтобы не озирались то и дело по сторонам и слышать хоть что-нибудь живое, приходилось леть. В памяти тогда почему-то всплывали одни бовые мелодии, вроде того, что никак не трогает, им не тронем. Но даже вдвоем с песней трудно было оставаться в этой глухомани более получаса; хотелось поскорее выйти к солнцу, к птичьим голосам, к жизни.

Рисунок В. Каменского.

В этом месте, у подножия исполинского дуба, я нашёл единичный великанский гриб, а рядом с ним—сухую ветку с красивым лоскутком ветоши. Ни того, ни другого я не коснулся и прошёл мимо, но чуть поодаль обнаружил ещё два гриба под такими же флажками.

Тогда мною овладело не совсем приятное чувство: я никогда никого не встречал здесь, и заметки над грибами казались странными. Словом, я не захотел взять эти грибы, потолокова сам с собой так: «Мало ли кому и для чего понаблюдать примечать их тут!»

Уходя метров тридцать от дуба, я сел под лопухом еле захватить. В лесу стояла гнетущая тишина, пахло тленом, смолой и сыростью, и от всего этого охотно верилось в сказочную бабурью и разную некую чертовщину. Дуб и заржавленные грибы казались у меня за спиной, и я стал оборачиваться к ним лицом, и в это мгновение я заметил мелькнувший и повис высочай, почти призрачный детский голос:

Дор-рога подруж-женка,

Дор-рога мой подруж-жик!..

Это было так неожиданно и так тесно связалось с моим лесным настроением, что я вырвался из себя и свалил ружье. Я думал что-то маленькую и пропало, и на той же ноте, с той же напряжённой страстностью снова прозвонил голос:

Дор-рога подруж-женка,

Дор-рога мой подруж-жик!

Я оставил ружье—пел обильно-вонный мальчик которого видеть не видел, но уже знал, зачем он клочит эту свою «подружку»: в голосе были несприятливы ступи, удивление, зедор и ещё что-то такое, а слышался на крик о помощи, чем на радость.

И тут я увидел пещу—коряжистого мальчугана в длинном, но своём, выдате, пиджаке, с большой плетеной корзинкой в левой руке и с палкой в правой. Он быстро собрал заржавленные грибы, сунул красивые лоскутки в карман, повел бедным лицом по сторонам и снова прозвонил свою песню—опять эти полукривелата, бабуря, наверно, знал, а хорощо видел его из своего укрытия. В песне у него участвовали только губы и голос, а глаза не моргали, стерлаги пространство, а отпугивающие пошукши ушей чутко ловили малейший шорох и звук.

Я выжда, пока он отошёл подалее, и под его «подружку», чтобы скрыть треск валенки и не испугать человека, отделился от дерева и негромко запел колыбельную Моцарта. В песенке этой много ласковых слов и мирных созвучий.

Расчет был верный. Услышав мой голос, юный грибок, нехотопливо оглянулся, сплоскино подтанул штаны и как-то боком, боком пошел ко мне на сближение.

И вот мы идём рядом. Белая бабуря незаметно скользит мне до пояса. Из-под длинных штанин у него размерено вымывают короткие квадратные ступни и уютно тонут во мху и в сосновых иголах. Парень явно обрадовался астриче и осмелу, и даже начал из молчаливых, из тех, чьи мысли не разгадаешь сразу.

— Давай-ка, брат, познакомимся,—предложил я и назвал свое

имя.—Наверное, тебя тоже как-нибудь зовут?

—Василию зовет, Трофимыч,—баском сообразил сплунки и тут же заметил маленькую боровую, азбургишей упругой шляпкой лятюк песчаной земли у нас под ногами.

— Тебе —везет, Трофимыч!—штушко сказал я, а он длнно поглядывал на меня круглыми серыми глазами, длнно и застенчиво улыбнулся чему-то и нехотел достал из кармана красивый лоскутик.

—Замечу. Пускай подрастет немножко.

Я взглянул в его корзинку и не увидел там мелких грибов. Раскравалась, пожалуй, загадка с флажками.—Трофимыч был, видеть, мужик хозяйственный и с мальчико возится не хотел.

—Так это твои грибы росли под тем дубом?—спросил я.

—Можно-можно, но нехотел признался Трофимыч и понтерисовался:—А чего ж ты не взял их, раз нашёл Тут беляков много. Хаити на двоих.

—Да разве, кроме нас, сюда никто не ходит?—приветился я удивлённым.

—Нет,—коротко сказал Трофимыч и через несколько шагов похисил:—Далеко очень. И буклы боится.

—Какое буклы?—не понял я.

—Серый. Я вв видел. Мырнет головой в воду и как-ж буклет! А сама аж больше меня и на двух лапах... Может, стреляном, чтоб знали?

—Кто?

—А все,—ответил Трофимыч и кинул на низину.

Я поглядывал тут и понял: полугать надо все, чего он тут боялся,—голубой сумрак, тенья, мшистые коряги, красную плесень и таинственную «бухлу». Отпрорвено говорю, мне и самому захотелось постараться все это, и я выстрелил сразу из обоих стволов.

—Будут теперь знать!—убежденно сказал Трофимыч.

Домой мы возвращались авесте: Трофимыч, оказывается, был жителем Лосевки. Глядя себе под ноги, он сообщил, что отца его прибила в позарешном году гроза, мать работала под городом на лесозаводе, что осенью он в первый раз пойдёт в школу.

—А ты... нешто дачник?—

вдруг спросил Трофимыч и подглянул на меня глаза. В их ожидании слышалась извещательная венно-реинная надежда, но я не разгадал ее и ответил утвердительно.—А-а-а,—отвалялся Трофимыч, и мне показалось, что он ускорила шаг.

Чем дальше уходили мы от сумрачных пядей, тем отчужденней становился Трофимыч: у него пропало мне всякий интерес. Я ломал голову над причиной такой резкой его перемены и в конце концов решил, что дело тут в близости дачевни: в лесу Трофимыч приласкался ко мне от страха. Это было немного обидно, но все же я сказал:

—А Буклы ты зря боишься. Это ведь, птица такая, из породы цапель.

—Птица по-бачиному не кричат,—резонно ответил Трофимыч и свернул к лосевским огородам. А вечером я увидел его снова. Он шел куда-то вдоль улицы, то и дело поглядывая на красивый закат и что-то собирался. Над дорожкой плавала розовая пыль, азбита велосидами дачных пружитишек, в небо копилась жарогорная за день обиды, и во дворегах оглушительны кричали дачные петухи, привязанные ситцевыми лентами за ноги: открывались.

Мой юный сосед, не желавший по утрам идти третья яёю, вечерами катался на «Юрленке», что-то пел под Утесова и никому не уступал дороги. Не дал он ва и Трофимычу, и когда тот шагнул вправо, туда же, еще издали, повернул и дачник, неистово работая зоником и подальшим. Трофимыч кинулся тогда влево, четко следя за передним колесом велосипеда: оно вместе с песней стрелително наткавалось прямо на него. Все остальное уместилось в одну секунду: Трофимыч прикос к дороге, скался, напружинился, а когда велосипед оказался от него в двух пядях, отпрыгнул в сторону и жем-то судорожным толчком руга тиванно крикнул что-то дачнику.

Дальнейшие события разглаголялись так: мой дачный сосед лежал в пыли рядом с велосипедом и не хотел вставать. Из отверстого рта его тек густой рев, а из носа—то, что в Лосевке было, а в Адам Егорович крепко держал за руку Трофимыча, хотя тот же пы-

тался бежать и только временами поглядывая на заклет; видно, то-ропился куда-то. Манаша дачника шлепала над ним китайским халатом и умоляла меня позвать милицию.

— Скажите, оно имеется тут или нет? Он же толкнул ребёнка! Слышите? Толкнул...

—Я его не толкал,—без надежды на то, что ему поверят, сказал Трофимыч.—Он сам все время задавливал меня... И нынче тоже. А в это утро гавнул на него. Всего-нашего раз...

—Вы слышали? Он на него гавнул! Как вам это нравится! Он же мог убить ребёнка до смерти! Идите и позвоните сельсовету, если в этой даче нет милиции...

—На надо сельсовету,—везливо сказал я женщине.

—А что же вы, по-вашему, надо?—изумилась она.

—Выпороть. Вашего сына...

Больше мне не удалось сказать ей ни одного слова: дача в китайском халате умела говорить такое, чего не умел я. Когда она ушла, влолча за собой управире-гося сына, я предложил Адаму Егоровичу освободить руку Трофимыча.

—А мне лучше,—возразил он,—что его думаете поучить или сминуть заворостной сейчас, чем в совершеннейшим пятюю годом по ухаю, а?

—А вы бы поучили дачника,—в тон ему предложил я,—он ведь у вас каждое утро цветы мочит.

—То дело не по мне,—живилито скучным голосом отозвался Адам Егорович.—У него палаша на «Победе» ездит, пуская и учит...

Уходя, Трофимыч пылито взглянул на меня и чему-то улыбнулся длнно и загадочно.

В сумерках наступившей яёю я сидел в палисаднике и вдруг услышал на дороге чьи-то шаги и голос Трофимыча.

Он шел, держа в жарии. Масло азбло и разлилось. Да ты не горюй! Завтра ж у нас с тобой полуха...

Я взглянул из-за плетня. Трофимыч шел с маленькой, худенькой женщиной, в одной руке держал ее руку, а в другой—небольшую виланку осветлительно белых в ночном море шепок.

После в ушле догво плавал черенок. А в грибах не ждали, куда чего-то такого частного, и навеяно, чему я не знал своего...

Григорий ПЯТКОВ

В БОРУ

Есть сизый бор за Старой Нерой—

Сосна и сосне,

Его настой

Такой пльняици и водстой,

Такъ приходи с вестром

И черпай.

Есть сизый бор...

Его тропинки,

Куда выхотис в зарослях глужих,

Читай в а детстве без запинки,

Как сердцу близкие стихи,

И словно сказочина слушал

В вечерних сумерках не раз.

Вешел навеки прочно в душе

Мне не одни его расказ.

Ночам

Ярне зарниця

Мне не давали спать в бору.

А может, авправду

То жар-птицы

Стелетис где-то на юру!

Когда ж,

Седой и нетеропий,

В сосновы бор входил рассвет,—

Меня вели к полннам тропки

Исчеза в тумане

Тех птиц волшебных

След.

Но только

Искры земляники

Да щербат испуганных синиц,

Два-три в травях блики

Сверкали перьям жар-птиц.

г. Лтл.

Несколько дней после этого я не встречал Трофимича, и вдруг однажды утром он явился ко мне сам. Остановившись у дверей, он сперва стесняясь с головы авиашной выды картошки, потом уже сказал: — А я картошку окончу. Только завтра управлюсь... Может, сходим опять туда за белянками! Там теперь страстьросло на!

Говорил он раздельно и четко, напорно на «р», стечего речь его приобретала какой-то особенно удивительный смысл.

Я затормозил в сборе, а Трофимич осторожно присел на диван, незаметно кивнул на пружинах, незаметно изобразил на лице кивш тыз, затем стал раздвигать пишущую машинку.

У меня давно хранились хотуничный сосиски и так подсолзил, что издавали звук, когда я завертывал их в газету.

— Что-то! — удивился Трофимич.

— Сосиски, — сказал я. — Выкусные. Никогда не пробовал!

— Мама приносила раз, да только они не такие были, те мягкие, — сказал он и сплюнул. Тогда я решил сперва позатрахать, а потом уже идти, но Трофимич отодвинулся от стола, спрятав руки между колен и завыл: — Не буду... Это нехорошо.

— Что! — не понял я.

— Есть у чуток.

— Ну, — смывался я, — мы же с тобой не чужие. Мы ведь друзья.

— Все одно нехорошо, — стоял он на своем, а я подумал: «Ну, подожди до леса. Там я с тобой съем!»

Перед самым отходом я показав Трофимичу снимок выпил. Он взглянул на картинку и сразу прижал:

— Букал Вот же гадость, зря только пужал! Ну, теперь все! Теперь там остался один что ни на есть волк. Я его тоже выдал, набил прямо.

— Налугался, небось?

— А у него у самого из одного глаза слезы капали. И ключа на боках висели. Болеет, должно, чей.

Грибов и в самом делеросло «страсть». Мы быстро наполнили свои морзники, постреляли из ружья, потом соли затракали. И тут мне впервые привалило устало как можно красивее и умно есть! Негорлописто и плавно Трофимич взял правой рукой хлеб, березню оглядел его и березню откусил. Трофимича. С первого и до последнего глотка он не положил рук на колени, он держал хлеб и сосиски на весу, молчал, не спешил, не чвакал. Он ел, словно так болевал, а с незримыми и большим своим другом, к которому у него моего уважения и хорошей любви.

Я сразу же подчинился его манере, даже дошел до вазу хлеба и сосиски, молчал и а то же время гадал: откуда и отчего это в Трофимиче? От недостатка в доме еды? Но Трофимич был крепкий и сильный, и на щеках у него лежала зловещая деревянная румянец. Не найдя причины, почему Трофимич такой, а не этаким, я скватил его за голову и без слов прижал к себе. Он удивленно притянулся, и я вдруг на мои руки упали теплые и легкие слезинки: не осилил человек внезапной чужой ласки...

С каждым днем я все больше и крепче привязывался к Трофи-

мичу, и дело дошло до того, что без него мне не дуалось, не писалось, не жилось. Он, конечно, знал об этом, но держался попрежнему ровно, значительно и серьезно. Мне доставляло большую радость то, с какими уважительным чувством наблюдал он процесс моей работы. Он мог часами сидеть и следить за мной издали, а однажды, когда я съел и выбросил под стол исчерканную кипу бумаг, внимательно спросил:

— Трудно?

— Трудно, Трофимич, — благодарно признался я.

Он поспешительно кивнул головой, подхехал ко мне на стуле и сказал: — Зато знаешь, что? Зато, когда пройдет трудно, то, — знаешь, как будет? Во как! — Он развел ширь руками. — Аж смеяться ни про что закочнешь! Вот нам с мамкой бывает все трудно и трудно, а как получим, получим, да как поведем в кино, и как наемся а там мороженого, аж чекотной! А потом опять трудно, а там сизовое приходит неутрудно. Так всегда и живем с мено...

Мои встречи с Трофимичем почему-то не нравились Адаму Егоровичу. Несколько дней он подозрительно поглядывал на нас через окно, потом как-то спросил меня:

— Учите, что ли, его чему? Вы на акты приручайте сироту к чужому дому. А то он разнокочет тут ходи-выходи, а потом...

— Что же он делает потом! — приподнял я со стула.

— Сворует Колодню, например. Я назвал тогда Адама Егоровича не по имени-отчеству, а несколько иначе. Он прижимал голубой глаз и вдруг прорвался площадной руганью.

— Вечером я уезжал из Лосеваки. Трофимич помогал мне грузить в машину книги, был грустен и задумчив, и я не мог объяснить ему причину своего преждевременного отъезда. Когда я, хорошо простясь с ним, сел в кабину, он влез на подножку машины и приплюснул нос к стеклу дверцы.

— Я вот что придумал, — сказал он урюгом баском, — а тебе пришло письмо. Как только вы-

учусь осенью в школе, так и напишу. Ладно?

Дона я скотлил из фанеры ящик, вложил в него учебническую форму, булавки, пенал и карандаши и дней за десять до начала учебного года отнес посылку на почту. А первого января посылка пришла назад. Я сорвал с ящика крышку и поверх учебнической формы увидел кое-какие напированный лист из тетрадки.

Прямыми, широкими и ясным букавами — чувствовался его характер — Трофимич писал:

«Посылаю ссушенные грибы и мороженую рыбину — целый пучок. Когда будешь есть, то выбрай рыбинки, что наклеваны, они сильнее что ни на есть сладкие. Это их синицы не доели в лесу. А котлом не надо, мама говорит, что все Лосеваки сметет плокое думать об нас да об тебе, а мы не хотим. Ты лучше приезжай сюда оплошным летом и живи у нас за так, а мы себе загорюдку сделаем дома, доски уже есть. Приедешь!»

Я долго и трудно искал редкие слова, чтобы достойно ответить Трофимичу на его первое в жизни письмо.

НОВЫЕ МЕСТА, ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

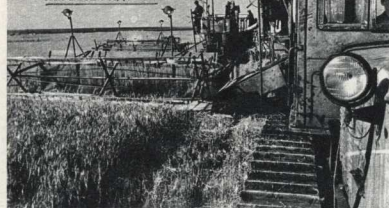

Фото А. Скуржинна.

ПРИЕЖАЙТЕ К НАМ НА АЛТАЙ!

Прекрасен наш Алтай! Неоглядные степи, поросшие ковылем. Поля без конца и края, залитые золотом пшеницы — словно востания на них огромные подурьянные караваи, да так и оставили на удивление людям. Крутоугольные сопки и стремительные, непокорные реки-сестры Катунь и Бия.

И случалось так: поехала я на Алтай в командировку, писать книгу о цинкинках, а живу здесь уже долго и, видимо, останусь навсегда.

Целина! Четыре года иззад сюда динулись тысячи людей. На пустых местах возникли новые поселки и городки. Степные равнины наполнились гулом машин. Совхоз, в котором я живу, называется «Урожайный». Основали его молодые рабочие, комсомольцы Московского автотреста имени Лихачева и великолучские механизаторы.

Сосем недавно на том месте, где расположена центральная усадьба, был палаточный городок. Сейчас здесь большой поселок с широкими прямыми улицами. Жилые дома и школа, клуб и столовая, магазины и баня — все это создано руками новоселов. Выстроены ремонтные мастерские, гаражи, зернохранилища.

Гордостью новоселов стал сад. Тридцать пять гектаров земли отвели цинкинки под фруктовые деревья и ягодник. В прошлом году мы получили первый урожай.

Если задуматься поглубже, то ценнее не просто пласт вывороченной и перепаханной земли. Ценнее — это проверка и человеческих душ. Здесь, как под увеличительным стеклом, все стало резко и выпукло: и достоинства, и дела, и характеры.

Ничего люди разоблачили себя сразу. Они не способны были на большие дела, на подвиги и, как только встретили трудности, покинули товарищя. Много ли было таких? Нет, не много. Но на целине дорог каждый человек, каждая пара рук. Сейчас на алтайскую землю пришла весна. В разгаре полевые работы. Идет напряженная битва за урожай, который обещает быть обильнее, чем в прошлом году. И так нужны нам молодые руки, которые преумножат золотое богатство алтайской земли! Поэтому хочется сказать вам, ребята и девчата: приезжайте к нам! Адрес простой: Алтайский край, Грязновский район, совхоз «Урожайный».

Фатима БУЧНЕВА

МЫ СТАЛИ ШАХТЕРАМИ

С шахтой, на которой в сейчас работает проходчиком, связаны мои самые первые, самые большие радости. Да это и понятно: ведь в Донцеху-Савельевку сскую мне с товарищами довелось строить своими руками!

Нашу бригаду шахтостроителей назвали «Войсковой». До приезда в Донбасс большинство из нас служило в армии, там мы подружился, а когда демобилизовались, вместе получили комсомольские путевки и целым отделием прибыли на строительство «Донецкой-Комсомольской № 1».

На стройку мы пришли в тяжелое время. Не хватало жилья, не было столовой. Шли дожди, а потому как-то сразу нагрянули свирепые морозы. Стояли шахты покрылись толстым слоем льда... Но ребята мы не жалев сил. Ведь от нас, проходчиков, во многом зависела скорость строительства. В нарядной вешала скамья участников, и красная линия отмечала каждый наш шаг. Как за биением сердца большого следят врачи, так следили все комсомольцы за работой проходчиков. А на пути у нас возникали большие прегра-

ды. Тогда замирала и красная линия на схеме...

Однанди в разработку хлынула вода. Сначала из пробуренного штура метнулась тугая струя и ударила Виктора Хмелева в лицо. Он опустил бурный молоток, защищая от брызг, и тотчас со всех сторон на проходчиков обрушились ледяные ливни. Четырнадцать человек задвинули оксугули. Ребята смотрели на меня — я думал, что скажет бригадир. Я поднял шахтерку над головой, увидел лица своих товарищей и понял: мы сможем победить! Я отдал команду:

— Семь человек — рыть канавы, остальным — на проходку!

Мы рыли канавы и крошили сталью плавки, переваливаясь по колесу в воде и сантиметр за сантиметром шли вперед. Забой мы не покидали по две смены. А нагустру нам дингались проходческие Ивана Савченко... Красная линия на схеме ошила и снова упрямо пошла вверх.

В День шахтера «Донецкая-Комсомольская № 1» дала первый убой. Был митинг, а потом,

обнявшись, мы отправились в степь... Она пахла небрецом и востор... Когда выходили из якор, кто-то из молотов шахтеров, глядя нам вслед, весело сказал:

«Вот что значит домашнее варенье!» Мы рассмеялись и вспомнили, как в те дни, когда боролся в разработке с водой, девушки носили нам клубничное варенье, которое, по их словам, должно было подкреплять от простуды...

Потом мы строили «Комсомольскую-2», «Савельевскую»... На «Донецкую-Савельевскую» и остался работать вся наша бригада. Теперь мы уже не строители, а шахтеры. Снова мы на переднем крае: производим выработку, готовим лаву. Следом за нами идут забойщики, комбайнеры, крепильщики... Откровенно говоря, из хлопцев получились неплохие шахтеры: каждую смену они дают до полутора норм!

Игорь ПЕТРОВ, бригадир проходчиков шахты «Донецких-Савельевская» г. Сталина.

РАЗВЕДЧИКИ НЕДР

В юношеские годы моими любимыми писателями и героями были Арсеньев и Пржевальский. Пробиравшись с немужниной лошадою сквозь тазвиные верхи, добром на верблюдке преодолевая пустыни в поисках новых земель или на разведанных еще природных богатств — вот о чем мечтал я тогда. Это в значительной степени определило выбор будущей профессии. Я закончил геологоразведочный факультет Казахского горнометаллургического института. Правда, на практике все оказалось иным, чем в мечтах: — гораздо труднее. Но, может быть, потому я еще сильнее полюбил профессию разведчика недр.

У некоторых почему-то сложилось неверное представление о работе геолог-разведчика. Им кажется: бродит геолог по горам, тайге, берегам рек до озера с рюкзаком за плечами, с молотком в руках и найдет камни, разобьет его и радостно воскликнет: «Есть алмазы!»

В действительности работа геолога намного сложнее, кропотливей и интереснее. Разведка нового месторождения — это труд не одного или нескольких геологов, а целого коллектива.

Центральный Казахстан по праву называют «Богатейшей кладовой природы». Здесь, в бескрайние степях, бродит тысяч геологов. Они ведут детальную разведку, выясняют, какие месторождения следует разрабатывать в первую очередь.

Среди новискоких сопкок, покрытых бедной растительностью, расположились буровые вышки наряды геологоразведочной партии. Мичам мы в поселке, где есть хорошие дома, магазины, столовая, баня с душевой, клуб. Все это геологи выстроили сами. Недавно секретарь комсомольской организации Василий Савченко вместе с товарищами создал группу общественной самодеятельности, и теперь в нашем поселке нередко устраиваются интересные концерты.

Коллектив у нас большой: несколько сот геологов, бурильщиков, горняков, механиков, шоферов, рабочих самых различных профессий.

Центральный Казахстан славится зимним бурянами, летом нестерпимым зноем. Но в любую погоду, в мороз и жару трудятся на вышках комсомольцы Нина Иванова, Люба Карпенко и их товарищи.

Наше месторождение по своему титну новое, и нет еще разработанной методологии разведки. Идем, как говорят, нетротеренными путями. Это трудно, но интересно.

Бурильники достают с большой глубины образцы породы, горняки прокодают шахты, а геологи по крупицам собирают данные, обрабатывают и обобщают их. Раскрывается истинная картина структуры месторождения, выясняется величина запасов, их промышленная ценность.

Геолог — очень увлекательная профессия, она доставляет истинное удовольствие и приносит много радости.

Леонид ИВАНОВ, комсомольский секретарь геологоразведочной партии, Центрально-Казахстанского геологического управления

Очищая сыптевые среднюю школу. Аня Сельванова решила работать геологом. Вена она быстро овладела специальностью, став одним из лучших работников Центрального телеграфа. А после смены, используя данную свободу минут, комсомолка становится и энтузиастом в Зарный институт связи.

Фото Р. Рочева.

ЛЮБЛЕННАЯ ПАРОЧКА

Это было в 1919—1920 годах, когда Крым оккупировали белогвардейские армии Деникина, а затем Врангеля, поддерживаемые англо-французскими интервентами. Большевикам пришлось уйти в подполье. Развернулась ожесточенная борьба против врагов трудового народа. В эти грозные дни комсомолец Крыма был избран первым помощником большевистской партии.

ДВА «А», ОДНО «В», ДВА «Г»

Где печатать нелегальные листовки? — такой вопрос волновал руководителей крымского большевистского подполья после провала типографии в Ялте.

Не знаю, кто предложил новый план, как обмануть ишек из белогвардейской контрразведки, но мы, комсомольцы, которым партия доверила это важное дело, услышали о нем от товарища Спера. Под такой ключевой действовал старый большевик, опытный подпольщик, член областного комитета партии С. Просмушкин.

— Мы не будем создавать свою типографию, — сказал нам Спер, — а используем действующие частные типографии, где работают наши товарищи. И вы увидите, как здорово это получится.

Я тогда работал вместе со старшим наборщиком Григорием Левитасом в малярской частной типографии «Труд» на Пушкинской улице в Симферополе. Типографию эту и выбрали базой для печатания воззваний и прокламаций. Рабочих здесь было мало, хозяйка немы день находилась в магазине.

Предстояло поставить дело так, чтобы по найденным листовкам белогвардейская контрразведка не сумела докопаться, где они печатались. Для конспирации каждая прокламация набиралась разными шрифтами. Бумагу и шрифты — по строчкам, по абзацам — доставляли нам из разных типографий работавшие там наши товарищи-комсомольцы. При этом строго соблюдалось правило: все шрифты и бумаги должны быть такими, какник нет в типографии нашей хозяйки.

Участники этого опасного дела часто не знали друг о друге, не имели представления, что именно будет набираться, каково содержание листовки. Так было надежнее для конспирации. Знали одно: делай то, чего от тебя требует партия. И каждый, чувствуя, как это важно, безотказно выполнял задания.

Рисунки П. Пингисовича.

Левитас, тогда пятнадцатилетний, только что принятый в комсомол паренек (теперь он директор издательства «Гудок»), вспоминает:

«Как и другие товарищи, я каждый раз получал определенную «заявку». Мне заказывали известного размера и образца литеры, например: «А» — две штуки, «В» — одна штука, «Г» — две штуки и т. д. Мол ли я знаю тогда, что из 16 литер, добытых мною в типографии Звенигородского, где я служил мальчиком, появится строчка «Товарищи солдаты!» Этим призывом начиналась большевистская листовка, обращенная к солдатам белой армии и объяснявшая им, что их обманывают продажные генералы».

Из букв, доставленных другими товарищами, свертывались лозунги: «Пролетарии всех стран, соединитесь!», «Да здравствует Советская власть!». Когда набранная таким образом листовка попадала в руки контрразведчикам, они тщетно пытались найти типографию, где имелся бы набор всех этих шрифтов.

В дни, когда мы набирали и печатали листовки, комсомольцы-подпольщики незаметно охраняли типографию. Тексты листовок нам обычно приносил Пята Максимова, она же забирала готовые листовки. В ту пору этой отважной комсомолке было летнадцать лет. Гимназистка с двумя длинными косами, милая, скромная девочка — такой она выглядела. И кому могло в голову прийти, что это революционерка, отличный конспиратор!

Максимова знала в городе все проходные дворы и закоулки. Отправляясь в типографию, она кружила по улицам и, только твердо уверившись, что за нею никто не следит, приходила к нам. Это всегда бывало в тот час, когда хозяйка отправлялась заправлять или обедать. Выдав листовки, Пята прятала их под широким пальто и затаскивалась ремнем.

Из типографии она отправлялась в Рабочий клуб на Севастопольской улице. Здесь у хозяйки вочной квартиры «тепи Полн» оставалась часть листовок.

Вторая явка была на окраине города, в Цыганской слободке, в библиотеке «К свету». Там работал молодой большевик Лука Гой. Вместе с ним Максимова намазывала листовки клеем, просушивала их и снова, спрятав ладью под пальто, возвращалась в Рабочий клуб, куда по вечерам приходили комсомольцы.

Была еще третья явка — на квартире у рабочего-коммуниста Шейкина, позже казенного белогвардейца.

ЛЮБЛЕННАЯ ПАРОЧКА

Идут по улице парень и девушка, о чем-то легко беседуют. Особого внимания прохаживающаяся любленная парочка, конечно, не привлекает... Но именно такие «любленные парочки» и занимались расклейкой подпольных листовок.

НАША «ПРАЧЕЧНАЯ»

Это была небольшая, но надежная группа комсомольцев. Эмилия Зубитова и Лазарь Зальман, Римма Лозовская и Исак Китан, Тамара Иодольца и Виктор Богусельский, Настя Яковлева и Давид Должен, Нюра Берлизова и Гриша Шарфур, Рая Мушта, Тамара Шеропа, Аня Михнович. Все они проявляли чудеса смелости и выдержки.

Чтобы не приметали местные жители, маршруты для каждой пары постоянно менялись. И, конечно, ничего не посылали в тот район, где она жила.

Расклеивали листовки в центре и в рабочих районах на тумбах для объявлений и на заборах, на дверях домов, на стенах и на деревьях. Умудрились приклеивать прокламации у полицейских участков, а для этого пришлось удалос оставить листовку даже на дверях контрагравейки.

Белогвардейская контрагравейка поменялась в гостинице «Ялта». У входа всегда стоял часовой. Комсомольцы Гриша Григась и Нюра Берлизова придумали дерзкий шаг. Часовая, изнывая от одежды, с чемоданчиком в руках, подошла к часовому и затеяла с ним разговор:

— Скажите, пожалуйста, это гостиница «Ялта»?

— Да, барышня. А что вам угодно?

— Я только что с поезда. Нельзя ли мне получить номер?

— Засты, милая барышня, теперь не гостиница, учреждение.

Как же мне быть? У меня нет знакомых в городе...

И пока молодой солдат словохозяйство давал хорошею девичью совет, Григорьев за его спиной аккуратно наклеил листовку. На предвзвешен, где были комсомольские группы, наши товарищи расклеивали листовки в раздевалке, у стенок, а наиболее надежным рабочим передавали лично. Слесарь Николай Москаленко, секретарь комсомольской ячейки в железнодорожных мастерских, подбрасывал листовки в прохладившие воинские шпелюны, приклеивал к телушкам.

В третью годовщину Февральской революции меньшевики и эсеры устроили вечер в Рабочем клубе. Корольков и Шанский, чтобы большевиков поруча нам распространять на вечер листовки.

Как лучше это сделать? Комсомольцы, заранее сговорившись, неожиданно выключили свет в раздевалке. Каждый взял по листочку. Когда распространили организаторы вечера наконец снова зажгли свет, листовки уже были разобраны. Комсомольцы затерялись в толпе и благополучно скрылись.

Каждый на своем месте, пренебрегая опасностью, действовали комсомольцы-подпольщики. Часто в интересах конспирации юности и девушки работали в одиночку, не зная того, кто делает товарищ. Но это не были разрозненные усилия. Существовала продуманная, стройная система, объединенная и направляемая единым центром — подпольным обкомом РКСМ, работавшим под постоянным руководством обкома партии.

Живым примерами безграничной преданности делу революции служили для всех нас, молодых, руководители подпольного обкома комсомола. Председателем его, был Оскар Тарханов — человек неповторимого обаяния. Он сочетал в себе талант незаурядного организатора и отважного бойца. Тарханов держал в руках все нити работы комсомола. Он был пламенным агитатором и пропагандистом. В глубоком подполье, каждый раз выходя в квартиру, он не прекращал заветить с комсомольскими пропагандистами, вдохновенно разясняя им марксистско-ленинские идеи.

В последующие годы Тарханов работал в ЦК ВЛКСМ, в исполнение Коммунистического Интернационала молодежи.

Заместителем председателя подпольного обкома комсомола был Гриша Шанский. Деятельнейший юноша, он имел уже за плечами опыт первого подполья 1918 года. Шанский обладал удивительной способностью найти каждому делу по силам. Он, как никто другой, быстро подбирал исполнителей с самых ответственных заданий. Впоследствии Шанский стал видным инженером-гидростроителем, участвовал в сооружении Днепровской и других крупных электростанций. Теперь он строит Новосибирскую ГЭС.

Крымский подпольный обком партии действовал, разумеется, не только в Симферополе. Его посланцы ездили в разные города и районы Крыма. Посылал своих представителей в Симферополь. Все эти люди и группы были надежные документы.

Вот тут-то и приходила на помощь наша «прачечная». Так называлось подпольное паспортное бюро, организованное членом обкома партии тов. Спером. Документы мы добывали из аптеки, аптекарских магазинов, аптечек, покупали. Самыми надежными были подлинники документы, с настоящей печатью, но отслужившие свой срок. Требовалось лишь «выстарить» прежний текст и вписать в него данные комсомольца. Мария Кубанцева, которую мы знали под кличкой «Эмма». Она умела безукоризненно воспроизводить любой почерк. Вышедший из ее рук документ невозможно было отличить от настоящего. Эмму и выдал обком комсомола в помощь товарищу Сперу.

Мария Кубанцева до этого уже выполняла ответственные поручения партии. Наньки конспиратора помогли ей и в новом деле. Она поспелила у своей бывшей классной мамы, дочери местного священника. Какую могло прийти в голову ехать подпольщице в доме настоятеля кафедрального собора? Но именно здесь работала наша «прачечная». В ее распоряжении были различные химикаты, с помощью которых вымывались старые фамилии.

Судьба нашей «прачки» оказалась нелегкой. Выдавая прожогатором, она была схвачена и послана в тюрьму. Ни побой, ни пытки не сломили стойкую комсомолку. Кубанцева упорно твердила одно:

— Это ошибка, я не знаю никакой прачечной. Я студентка медицинского института.

Но допросы и избиения не прекращались. Тогда девушка решила симулировать сумасшествие. Она бросалась на назидатель, хохотала, плала. Следователь пригласил в камеру профессора-психиатра. На счастье Марии, профессор оказался оттом ее соученицы и поспешил в тюрьму. Ни побой, ни пытки не сломили психиатрическую больницу для тщательной экспертизы.

И вот Кубанцева в больнице. В ее поместьство поверил. Профессор вел себя с ней, как с больной. Но дочь его, придя проведать подпольщицу, потаенно сказала:

— Папа о тебе все знает. Ничего не бойся, будь спокойна.

Старшей фельдшершей в больнице была Мария Васильевна Бабушкина, родная сестра известного рабочего-революционера. С ее помощью Кубанцева снова связалась с подпольем. Сюда, в большой больничный изолятор, доставили химические реактивы, тушь, перья, бланки, штампы — и подпольная «прачечная» возобновила работу.

ДЕЛА ЮНЫХ ДРУЖИНИКОВ

В феврале 1920 года областной комитет партии начал организовывать силы для подготовки вооруженного восстания. Были созданы боевая комсомольская дружина и санитарный отряд. Начались новые опасные дела.

Однажды при выполнении задания подпольщицей был схвачен член Крымского ревкома Литвин. Ему угрожалась смертная казнь. Арестованного держали в полицейском участке. Подпольщица решила вырвать его из рук уток и спасти Литвина. Операцию поручили боевой дружинке.

В 10 часов вечера к зданию полицейского участка привели группу арестованных. Конвоировали их два солдата и поручик.

— Пропустить арестованных! — командовал офицер.

Взав под козырек, часовой с готовностью открыл ворота. Арестованные вошли во двор.

— Часовой, как мне!

Ничего не подумав, часовой выполнил приказание поручика.

— Ни звука! — Офицер направил револьвер на полицейского. Тот мгновенно поднял руки.

В офицерскую форму был переодет комсомольский боевик. Выходя из здания, конвоиры — Оскар Тарханов и Миша Лозин-

ский. «Арестованные» — тоже комсомольцы-дружинники.

Часовой заменил Лозинский. Остальные, ведя с собой обезоруженного полицейского, вошли в поместье участка.

— Рухи вперед! — командовал Тарханов и навел на дежурного уток. Обозрежу офицера, наши товарищи забрали у него ключи и поспешили к камерам. В первой оказался большевик Проскушкин, случайно попавший в камеру. Литвин был заперт в другой. Последним на их месте полицейских, дружинники ушли.

— Власти узнали о случившемся лишь на следующее утро.

«ПАМЯТЬ О НАС НЕ УМРЕТ...»

Листовки, дерзкое освобождение арестованных, нелегко. На каждом шагу подполье напоминает о себе. Существование комсомольцев, их члене Лия Шулдынка. Как живая, встает перед нами глазами эта отважная комсомолка. Мы все восхищались ее стойкостью, выдержкой, самоотверженностью. В Севастополе она жила под чужой фамилией, ее квартира служила явкой.

Лия до самой смерти осталась верна партии, комсомолу. На суде она гордо сказала:

— Я коммунистка и оправдываюсь перед вами судом не стану.

После освобождения Лия Шулдынка и ее товарищи были расстреляны и брошены в море.

Тяжелым ударом для подполья явился и арест Жигалиной. Эта девятнадцатилетняя девушка организовала в Елпатори от лично законспириванную явку, через которую обком держал связь с центром. Позже Жигалина выполняла ответственные поручения партии в Симферополе.

Схваченная контрагравейками, Женя держала в руках два изумрудные пятаки, не сдвигая волю этой чудесной девушки. Мы решили произнести нападение на поместье контрагравейки, чтобы вырвать товарищ. Но контрагравейка уже шла по нашим следам. 10 апреля в Собачьей башне были арестованы дружинники, разрабатывавшие план нападения. Отстрелявшись, ушел только Зиновий Волович. Но через несколько дней ишейки выследали и его. С ним вместе арестовали конюха-разработчика Мишу Лозинского и связного Того Зусмановича.

Три недели изстывали арестованных, чтобы вырвать у них имена остальных подпольщиков. Но ни один из комсомольцев не сказал ни слова. Суд над молодыми коммунарками состоило из трех судей. Судьям было известно, кем мы как устраиваемое арестные, но арестованные в демонстрации негибимой воли юных революционеров.

— Ваши дни сочтены, а вас нет будущего, бесстрашно заявила в своем последнем слове Лозинская.

Член горкома комсомола Гриша Староельский сказал:

— Вы обречены на гибель. Ваши имена покрывают позором, а наше дело будет жить вечно.

Терпящая крымского подполья комсомолка Фая Шоловская гневно воскликнула:

— Вы убьете нас, но не убьете революцию! Скоро придет день, когда на скамью подсудимых посадят всех!

Гордо, с огромным самообладанием выступила обильные страшной приговор. В ночь накануне суда в одной из камер контрагравейки замучила Женю Жигалину и Фая Шоловскую. Они умерли. Рано утром восемь остальных смертников вывели на тюремную площадь. Они шли, обвиняясь, поддерживая друг друга. Идил, был национальный. Их поносили на фонарях столбах.

Через месяц военно-полевой суд в Симферополе приговорил к смертной казни еще восемнадцать подпольщиков. Самым молодым из них был комсомолец Митя Лозинский. Этот семнадцатилетний мальчик хранил на квартире взрывчатку и участвовал в боевых операциях. Ему, как несовершеннолетнему, могли заменить смертную казнь вечной каторгой. Но он завизжал:

— Я сознательно боролся за Советскую власть и поэтому хочу разделить судьбу своих друзей.

Юноша был казнен вместе с его старшими товарищами.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕСУ

Провалы насторожили подпольщиков. Обком партии решил перенести центр партийной и комсомольской работы в лес, где действовали партизаны.

Запомнилось мне заседание обкома РКСМ совместно с Симферопольским горкомом. В те дни длинных речей не прозвучало. Оскар Тарханов коротко разъяснил обстановку. Решение сформулировали так: юношей — в лес, девушек — оставить для выполнения особых заданий по разведке и в подпольном Красном Кресте.

Но раздался голоса против. И очень горячие. Шум подняла девушка. Особенно возмущались Настя Яковлева и Нюра Берлизова.

— Почему вы нас не берете в лес? Мы не хуже парней владеем оружием.

С трудом убедил девушек, что хватит для них и в городе важной работы.

На 15 августа 1920 года была назначена областная партийная конференция. Она должна была состояться в лесу. Из Симферополя делегировали секретаря горкома партии Салаву Серова и меня как представителя комсомола.

Партизаны прислали за нами проводника Владимира Васильева. Он повел нас по какому-то глухим, ему одному ведомым тропинкам. Шли всю ночь без отдыха. На рассвете нас встретила партизанская разведка во главе с Лукой Гоєм.

В целях конспирации до начала конференции мы не встречались с другими делегатами. Да и партизаны, за исключением командиров, не знали, что в лесу собираются представители партийных организаций.

Партийная конференция открылась в необычной обстановке. На поляне, прямо на траве, расположились делегаты. Нас оказался человек пятнадцати. Но основные подпольные партийные организации Крыма были представлены. В числе других был заслушан и мой доклад о работе комсомола. Конференция определила новые задачи в связи с созданием единой партизанской армии и начавшимся наступлением Красной Армии.

В дни моего пребывания на конференции случилась беда в нашей подпольной типографии, благополучно просуществовавшей около года. Мальчишка, ученик наборщика, нашел оттиски листовки и разболтал об этом приятелям. Разговоры дошли до контрразведки. Партизаны арестовали в типографии сделали обыск. Хотя ничего не нашли, типографию и всех рабочих вывели на подорожную. Поэтому точное по возвращении из леса горком предложил мне немедленно уехать из Симферополя. Однако сделать это я не успел. Меня арестовали, когда я садился в линейку на постоялом дворе.

В тюрьме мне не давала покоя одна мысль. Все связи по печатанию листовок были у меня. Как же вновь наладить их? Вдруг с очередной передачей получаю радостную записку от Шанского Комсомолец-наборщик Михаил Славинский узнал каким-то образом отпечатать новую листовку. Значит, дело наше продолжается!

Вести с воли доходили редко. Но по поведению тюремного начальства мы чувствовали, что безоговорочно выжили. Попросы прекратились, судебных заседаний больше не было. Мы догадывались, что дни белых сочтены.

В начале ноября распространились слухи, что белые живыми нас не оставят — перед выходом из города всех арестованных расстре-

ляют. Мы надеялись только на помощь партизаны, с которыми удалось завязать связь.

11 ноября нам передали с воли два браунинга. Утром следующего дня мы обезоружили коридорных надзирателей, открыли камеры и собрали всех заключенных на тюремном дворе.

У нас было уже с десяток револьверов, отобранных у надзирателей. Во главе с коммунистами Дмитрием Горленко и Яковом Черным мы двинулись к внутренним воротам тюрьмы и к конюшне. Обезоружив охрану, открыли ворота. На вышках часовых уже не было — разбежались. Всех тюремщиков вместе с начальником тюрьмы мы посадили в карцер.

К вечеру над городом поднялось зарево. Белогвардейцы, отступая, поджигали дома, магазины, склады.

13 ноября представители ревкома связались по телефону с командованием Второй кавалерийской армии, находившимся уже в Джанкопе. В городе начали устанавливать революционный порядок. На доме бывшего дворянского собрания взвился красный флаг. Большими буквами на нем было написано: «РКСМ».

Утром 14 ноября 1920 года в город вошли первые части Красной Армии. Крым стал советским.

Михаил МОСКАЛЕВ

ПОДВОДНЫЕ ТУРИСТЫ

А. АЛМАЗОВ

Фото

В. Кебало, А. Попова
и В. Гендероте.

Этот случай произошел в Озерках, под Ленинградом. Какой-то смельчак, укрепив на спине небольшие металлические баллоны, надвинул на глаза и уши маску и начал уверенно погружаться в озеро. Прошло пять, семь, десять минут, а он все еще не всплывал. На пляже забеспокоились. Невозмутимо вела себя только товарищи смельчача, подждавшие его на берегу.

Наконец из зеленой пучины, словно сказочный витязь, вышел молодой атлет. Сняв маску и баллоны, он начал спокойно рассказывать друзьям о том, что увидел во время подводной «прогулки».

«Боевое крещение» Владилена Кебало в Озерках. В первый раз погружаться он в воду с аквалангом собственной конструкции.

Это был один из первых аквалангистов Ленинграда, инструктор физкультуры Владилен Кебало.

Владилен и его друзья уже несколько лет увлекаются подводным спортом. Можно без преувеличения сказать, что вода стала для них родной стихией.

Надолго запомнятся им дни, проведенные во время отпуска на мысе Пицунда, в районе Гагры. Тренер по боксу Александр Ягунов, инженер Рам Стужалов, артист Алексей Людевич, физиолог Роза Колотилова и еще несколько молодых ленинградцев уже давно лелеяли надежду «испоробовать» по дну Черного моря. И мечта туристов-подводников осуществилась. Вот она, бирюзовая вода, пронизанная лучами щедрого южного солнца. Вот оно, царство рыб с его неизведанными тайнами!

Испытав несколько раз снаряжение собственной конструкции, аквалангисты все чаще и все сме-

Энтузиастам подводного плавания не страшна и зима. На снимке: ленинградец Александр Ягунов испытывает акваланг новой модели в проруби Малой Невы.

Трофей аквалангистов привлекают множество любопытных, особенно мальчишек.

ле стали погружаться в глубины моря. Они совершали дальние прогулки, с гарпунными ружьями охотились на рыб. Спортсмены нередко отускались на глубину до двадцати четырех метров и оставались под водой в течение почти сорока минут. За три недели они сделали около ста погружений, проведя под водой в общей сложности двести часов...

Однажды Рам Стужалов на десятиметровой глубине зацепился за трос, провисавший над пирсом

на стоянке корабля. Плававший в этот момент на поверхности Александр Ягунов заметил что-то неладное и попробовал нырнуть. Первая попытка оказалась неудачной. Нырнув вторично, он отцепил трос и выручил товарища из беды. В другой раз Ягунов помог местным рыбакам: в труднейших условиях распутал им сети на глубине около двадцати двух метров.

Все свои приключения в глубинах «голубого континента» ака-

лангисты запечатлели на пленку. Владилен Кебало приспособил для подводной фотосъемки «ФЭД-2», а Алексей Людевич — обычный узкоплечный киноаппарат, заключенный, как и «ФЭД», в водонепроницаемую панцирь.

Короткометражный фильм Людевича демонстрировался на экранах клубов и домов культуры Ленинграда.

Сейчас у подводных туристов новые, еще более заманчивые планы. Впереди — желанное лето!

Первая находка.

Хорошо бы запечатлеть на пленку этот сказочный мир...

Чего только не увидишь в глубинах «голубого континента»! Какое-то странное существо спрялось в зарослях морской травы. Вот поймать бы его и рассмотреть на берегу!

Краб насторожился, вот-вот он сцепится клешнями в руку анвалангиста.

Как причудливо облачно, плывет в бирюзовой воде медуза.

Выстрел... и рыба издается на тонном жале гарпуна.

Все, что сходит с конвейера фабрики имени Капринова, предназначено только самым юным гражданам. Голубячки, желтые, морничевые, любых цветов и оттенков ботинки, пинетки, гусарки, туфли, боснониики, сандаlette... Все это для них, малышек, но очень требовательных и разборчивых потребителей.

Между прочим, если отворать на минуту от конвейера и взглянуть в окно, можно увидеть и самих потребителей — тугощенок малышей, веселых и шумных ребят. Деловито рассматривают они из двери соседнего детского сада № 848, играют на широких аллеях Парка имени Павла Морозова.

Старший художник московского Дома моды обуви Вера Комарова и художник-модельер Гилла Ачальдиева просматривают новые модели детской обуви.

Handwritten signature: Г. Дубинского

Фото Г. ДУБИНСКОГО.
Текст Н. ВАСИЛЬЕВА.

Правда, только один конвейер фабрики дает за смену столько обуви, что хватит и часа, чтобы изготовить наладку из этих малышей по паре отпущенных башмаков. Но те, кого можно считать удачей из оных цехов, словно наполняют конвейеры, и решают всей детворы: «Вы уж постарайтесь, пожалуйста, чтобы было по-краснее и попрочнее!»

Делать обувь удобной, красивой, прочной, дешевой... Эту важную задачу, выданную Постановлением партии и правительства об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества одежды, решают сейчас на фабрике инженеры, технологи, рабочие, художники, модельеры. Много уже сделано.

Главный модельер Сергей Александрович Кулеватов положил перед нами на стол эскизы, в лежачем положении альбом.

— Вот наши новинки.— Он начал медленно перебирать листы плотного ватмана, посылая четкие, строгие рисунки.— Это для девочек. Хорошая летняя модель, красивые туфельки. А это ботиночки с резиновой накладкой на подошву. Кстати, это хороша идея: вес ботиночек увеличился на какие-то граммы, а носится они вдвое дольше.

Правда, контуры рисунков мало чем напоминали внешний вид хорошо знакомых нам туфель, боснонок или пинеток, это был все-навсего раскрой. Но Сергей Александрович говорил о них с такой уверенностью, что мы хорошо представляли себе и четкие пророченный разрез, и облегчаемые каблуки, и красивую расцветку...

— Конечно,— улыбнулся Кулеватов,— создать новую модель или новый фасон— дело не столь уж трудное. Главное— изменить, перестроить, улучшить технологию... Вы слышали о новом методе— «беззатяжном»? Если хотите, можно показать его в действии...

Мы прошли в цех. Вроде одного из конвейеров, в самом начале его, стояло несколько станков. На них то прищеде всего и обратил наше внимание главный модельер. Словесно, дорогостоящие и к тому же весьма капризные станки выполняли самую трудоемкую операцию, основную во всем потоке операции— затяжку. Не так давно инженеры фабрики предприняли обойтись без этой операции. Мысль была смелая, даже дерзкой: она предполагала ломку технологии, принятие на всех отечественных зарубежных фабриках.

Так родился метод, который на фабрике называли «беззатяжным». Так появились новые конвейеры, на которых сложные, капризные станки были заменены обычными швейными машинками. Из рантовой обуви исчезли металлические крепления; вместо них сейчас применяется наплавочная нитка и клей. Обувь стала красивее, дешевле, прочнее, и, главное, намного повысился производ-

«Высокое качество комсомольца»

тельность труда. Каждый день увеличивается и количество предприятий заводов... Каждый день увеличивается завыши на неделю с фабричной организации авторгруппы пар своей разности от многих пинеток удобных боснониики году фабрика выпустит почти для двух миллионов и концу этого года достигнет примерно количества пар!

Синими, опубличены в страницах, рассказавших рабочих фабрики хва, из любого угла десятии немомомона нов, заготовщица, нов, плавощица. Лучша

Диспетчерская в цехе фабрики.

Трудовую вахту в честь 40-летия ВЛКСМ несет Маргарита Прохорова. Она ежедневно перевыполняет сменные задания.

...— так оценивают контролеры ОТК работу
Нины Грачевой, изготовившей цеска № 3.

...ас этот ме-
други обу-
заны,
брига пол-
нов. Каждый
ора уходит в
за тысяча
ей обуви —
красных,
минувшем
ла обновен
ево работ,
плутус увели-
лестн тысяч
ные на этих
ют с моло-
Во всех це-
работают
— закройщи-
вирубцов,
из них гор-

дится весь коллектив фабрики. Это
Борис Шурин, Вали Юдинова, Иван
Богачев, Гая Зарипова, Вячеслав
Ладос, Рима Рачков... Выполняя
решения XIII съезда ВЛКСМ, все
226 комсомольцев фабрики ищут
новые пути для повышения про-
водительности труда. Они создают
рейдовые бригады, борются за
экономно материалов и первосорт-
ную продукцию, вносят и вне-
дряют рационализаторские пред-
ложения. За шесть месяцев они со-
брали и внесли в комсомольскую
копилку шестьсот тысяч рублей!
Вместе со старшинами товарищами,
вместе с технологами и мастерами
комсомольцы решают очень важ-
ную задачу, поставленную парти-
ей и правительством, — выпустить
больше обуви для самых юных
граждан нашей страны.

Даже напряженный покупатель доволен...

...контролирует работу всех цехов и участ-
ствует в сменном дежурном С. Жигитов
у пульта связи.

— Вот они, обновки для наших малышей... — говорит
упаковщица Лида Сенина. — Более двух миллионов
пар в год дает фабрика.

ротать часы, оставшиеся до отхода поезда. Но, онцкая автобус, она внезапно услышала последние известия. Диктор сообщает о том, что в Хельсинки на XV Олимпийских играх Мария Горюховская завоевала олимпийское первенство. Эта новость заставала Ларису забыть обо всем. Ведь это была блестящая победа, одержанная советскими гимнастками...

Этот день, проведенный в Ленинграде, Лариса Латинина вспомнила четыре года спустя в Мельбурне, готовясь к выступлению на XVII Олимпийских играх. Прошло всего четыре года, и вот в Австралии нет ни одной из тех гимнасток, которые столь блистательно выступали на XV Олимпийских играх в Финляндии. Нет в Мельбурне Марии Горюховской, нет Нины Бочаровой и Галины Урабанюч. На XVI играх будут выступать те, кто четыре года тому назад еще носили школьные фартушки.

Лариса Латинина жила в юном предпринимческом городе Керсоне. С тринадцати лет она увлекалась гимнастикой. Почему именно гимнастикой? Сейчас трудно ответить на этот вопрос, но так или иначе уже в четырнадцать лет она имела 3-й разряд, а еще через два года выступала по 1-му разряду. Тогда она и встретила в Казани, на Всесоюзном первенстве школьников, с Галиной Шамрай, девочкой из Ташкента, и вынуждена была уступить ей первенство. Зато в 1951 году во Львове Лариса добилась первой победы в борьбе с ленинградской школьницей Тамарой Манной. А потом был Таллин, рванши Манной и снова тренировки, тренеры, тренеры...

Уже в 1953 году Латинина выступала на Бухарестском фестивале, потом во Франции участвовала в мировом первенстве в Риме и поздравляла с большой победой свою подругу и первую соперницу Галину Шамрай. Затем был Варшавский фестиваль и первая завоеванная ею золотая медаль. Прошло еще немножко времени, и Лариса заняла второе место на первенстве СССР и вступила в борьбу с Софией Муратовой... Вот какой путь был пройден молодой гимнасткой от Керсона до Мельбурна! Теперь ей вместе с подругами по номерке — Софией Муратовой, Тамарой Манной, Полиной Астаховой, Лидией Егоровой и Лидией Калининной — предстоит продолжить дело Марии Горюховской, Галины Урабанюч и других, не менее известных гимнасток, завоевавших олимпийское первенство четыре года тому назад... Впоследствии, вернувшись из Мельбурна, Латинина рассказывала мне о том, как возобладала она в ночь перед началом борьбы.

ВЫСТУПАЕТ ЛАРИСА ЛАТЫНИНА

Фото Я. Халипа и В. Светланова.

Кому не приходилось испытывать горького и тревожного одиночества в большом незнакомом городе, где тебя не ждут, где нет ни одного человека, который знал бы о твоих существовании?

Именно так чувствовала себя худенькая, стройная девушка, оказавшаяся проездом в Ленинграде. Она возвращалась из Таллина, не удерная чемпионского титула, завоеванного прошлым летом во Львове. Но разве только по этой причине у нее такое настроение? Нет, Лариса Латинина просто соснучилась по родным местам, по привольному вечеру, дуошуму с Днепра, по ярким краскам юга, к которым привыкла с рождения.

Лариса уже побывала на дюрдовой площадке, и в Эрмитажном зале, а теперь собиралась обратно — на Московский вокзал, чтобы там сно-

БЕРЕГИТЕ СВОЕ СЧАСТЬЕ, ДРУЗЬЯ!

ОТЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ НА СТАТЬЮ Б. ГУСЕВА «ЗА СПИНОЙ ДРУГА» («СМЕНА» № 3)

НАСТОЯЩИЙ ТОВАРИЩ

Я прочтала статью «За спиной друга», и злость меня взяла на Геннадия. Какой подлец! Оценил самое хорошее, светлое чувство — чувство товарищества. Как он мог так клеветать на друга! И все для того, чтобы самому выдвинуться, добыть славу способного человека. Знал же, Геннадий: слова добываются честным трудом, а не сплетнями. Ты не пощадил даже любви Андрея. Для тебя все в беде, он не бросит друга в беде, он поможет ему понять ошибку.

Андрей — настоящий, хороший товарищ. И любовь у него настоящая, сильная. Он не бросит друга в беде, он поможет ему понять ошибку.

Л. РОЩИНА

с. Орания, Горьковский обл.

ПУСТЬ ЛИНА ПОДУМАЕТ

Много хороших и честных юношей трудятся у нас на заводах, фабриках, стройках. Они авантюристы, ценят предложения, овладевают новыми методами работы, стараются принести как можно больше пользы государству. Но среди молодежи встречаются все бавазлы, китрицы и лгуны. Вот таким и оказался Геннадий, который, чтобы возвыситься в глазах девушки, опорочил друга, присвоил все его заслуги. Что же касается Лины, то она не оценила дружбы Андрея, оказалась легкомысленной девушкой. Независтю, какой она в будущем станет женой. Если она ничего не поменяла из того, что произошло в последний вечер между Хлебниковым и Лагутиным, то лучше ей оставить в покое Андрея. Пусть Лина об этом как следует подумает.

В. ПАВЛЕНКО

ст. Серовская, Чечено-Ингушская АССР.

ДРУГ

Друг — это самый близкий человек на свете. Ты делишься с ним сокровищами, он твоя опора и поддержка в трудные минуты жизни. Когда асть у тебя такой человек, которому ты безгранично веришь, то легко жить и не страшны никакие трудности. Если же человек, которому ты доверял, обманул, пусть даже в мелочах, незвольно к нему появляется неприязнь.

И. КЛИНОВ

г. Артемовский, Свердловской области.

БЕЗ ЯСНОЙ ЦЕЛИ

У меня есть один знакомый, которого зовут Валентин В. Своим поведением он очень напоминает Геннадия Хлебникова из статьи «За спиной друга». Работает Валентин на производстве, но дела его мало интересуют. Больше всего он увлекается танцальками. Тут он совершенно меняется, говорит красиво, делает словачки, вроде «жи-жи» и бутылка рому. И удивительно: многие девушки терпят

его пошлые балагурство и не делают его замечаний. Нат у этого парня ясной цели в жизни. Показывался, скажем, ему профессия шофера, получился несколько недель на курсах, а потом бросил занятия и решил поступить в парходство. Он все шлет путей полегче, где бы удалось побольше пользоваться «благами» жизни. Газорезчик с ним не свешивает. Ничего не помогает: Валентин считает, что мы просто завидуем ему. Думается, что история с Геннадием, рассказанная в статье, по-может и Валентину осознать свою неправоту, заставить его измениться.

В. КОВАЛЕВ

Владимиро-Александровское, Приморский край.

АНДРЕЙ ПОСТУПИЛ ПРАВИЛЬНО

Обидно делается, когда рядом с хорошими людьми встречаются таких слиззяков, как Геннадий Хлебников, за внешней порядочностью и значительностью которого скрывается подлая душонка склопачка и труса, лицемера и подкалника, готового предать друга.

Мне вспоминается в связи с этой историей, которая произошла на нашем руднике. Леонид Б., окончив ремесленное училище, работал на буровой вышке, потом его перевели смывным мастером. Здесь он познакомился с Леонидом Е. младшим, коллектором геологической партии. Веселая, разговорчивая, она как-то сразу припала к душе Леониду. Их все чаще и чаще стали видеть вместе в кино, в клубе, в саду, на танцах.

А в начале лета к ним в геологоразведочную группу приехали на практику студенты. Среди них находился Евгений Н. — односельчанин Леониды, который хорошо знал о его дружбе с Людой. Этот парень неожиданно начал незачком ухаживать за девушкой, почти преследовать ее. Он пригласил ее в кино на танцы, особенно в то время, когда Леонид работал во вторую смену. Не знаю, что он агорозил Люде, только девушка вдруг стала избегать Леониды, а если случайно встречалась, то разговорчивала с подчеркнутой холодностью. Леонид асть это сильно переживал, а потом сообщил мне как лучше-му другу о своем разрыве с Людой.

Прошел месяц. Однажды к случайно увидел Люду. Хотел пройтй мимо, но она остановила меня: — Ты, Саша, не знаешь, где Леонид?

Я собрался сказать ей что-то злое, но сдержался и ответил, что Леонид в клубе.

А черз полчаса я увидел молодых людей вместе. Лина стала жалеть Леонид и Люда поморщилась.

Позже я узнал, что произошло у Луды с Евгением. Однажды он на танцевальной площадке выронил письмо, которое подобрала подружка. В нем он писал какой-то девушке, обещая ей любовь. Люда поняла: Евгений ее обманывает.

Потом у на некоторые время потерял Леонид и Люду из виду: ушел служить в ряды Советской Армии. Но вот недавно получилась письмо и фотография, на которой запечатлены Леонид, Люда и их маленькая дочурка. Молодые люди поженились, нашли свое счастье и сейчас живут хорошо, дружно.

Прочтвая статью «За спиной друга», я вспомнил эту историю и считаю, что Андрей Лагутин поступил правильно, поморщившись с Линой. На его месте я сделала бы то же самое.

А. КРЯЧКИН,

рабочий-строитель.

ст. Бурино,

Калужская ССР.

КТО ПРАВИ

Андрей Лагутин, конечно, не виноват в том, что сразу не распознал в Хлебникове подлеца. Не все ведь обладают даром провидца. Однако по отношению к Лине он должен был повести себя иначе. После случая в ресторане нужно было вообще вычеркнуть его из жизни. Нельзя же так опекать взрослую девушку. Могут сказать: ни руководела любовью, но разве существовало эзимоное большое чувство, если Лина за какието две недели снова забывает Андрея? В статье подразумеется счастливый конец, а это не может быть счастливым, даже если Андрей и очиня сильно любит. Нельзя простить ей предательства, разрушившего самое светлое, яркое чувство Андрея.

Мой вывод: Андрей и Лина должны забыть друг друга.

Л. КОРОЛЕНКО,

механикатор хлебоприимного пункта.

с. Пленки,

Нарьагинской обл.

ОБЕРЕГАЙТЕ СВОЮ ЛЮБОВЬ!

Люди, о которых рассказывалась в статье «За спиной друга», мои сверстники, и потому я не могу быть равнодушным к их судьбе. Андрей не раскусил время Геннадия Хлебникова, не понял, что такой друг, как он, — это кош в спину.

Да разве можно вообще называть Геннадия этим именем! Ведь друг — это человек, которому можно доверяться во всем. Лина знала немало примеров, когда, спасая друзей, люди жертвовали жизнью. Недаром у нас в Советской Армии так высоко ценится великое чувство дружбы, товарищества.

Хлебников же спекулупровал этим чувством. И «вдружился» он с Андреем только в корыстных целях. Случай, рассказанный в статье, учит нас оберегать любовь от людей, подобных Хлебникову, которые могут испортить хорошее человеческое житье.

Р. ХАБЕУЛЛИН,

военнослужащий.

В. ВИКТОРОВ

Невысокой грядой кажется издали Сопка Героев.

СОПКА ГЕРОЕВ

К. ВАЧНАДЗЕ

ПАВШИМ И ЖИВЫМ...

Давай такими, товарищ. Сядем и помолим. Вспомним...

Пустыми глазницами выбитых окон смотрели на нас две полуразрушенные хаты. Это почти все, что осталось от большого хутора Мелехова. Вдали, если встать карго, додоси был виднелся хутор Садовый, но на его месте одноко и недолго торчала стена обвалившегося сарая. Направо, как и сейчас, темнела полоска леса, а за ним несла свои воды к морю Кубань.

Да, это было здесь... Дни рождался и угасала в грохоте разрывов. Гул самолетов не утихал круглые сутки. Над нами разгорались воздушные бои, в которых иногда одновременно участвовало более ста истребителей. Это были дни, когда в небе Кубани рождался слава Покрмшника и братьев Глинка.

В перерывах между бомбежками на вершине и склонах высоты рвались снаряды и мины, пулеметы часами не давали возможности подняться толпу.

Много раз переходила из рук в руки сопка, вдоль и поперек истекшая свинцовым смерчем. Этот клочок assolенной кубанской земли был сильнейшим оборонительным узлом пресловутой гитлеровской «голубой линии». Фашисты оцепили высоту проволочными заграждениями, опоясали минными полями и, не считаясь с потерями, старались удержать ее. Два месяца на этом рубеже шли ожесточенные бои.

Не суждено прочитав эти строки любимому еще дивизию подполковнику Леону Апохому, двадцатипятилетнему командиру 221-го стрелкового полка. Он погиб на подступах к сопке... Здесь перестало биться сердце военфельдшера комсомолец Вадя Кашук. Многим рваным спасла она жизнь. Кажалось, не знала страха эта стройная девушка, на вышитой мастережке которой сияли ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

Нет, не затуманило время дорогие черты наших боевых товарищей. Мы помним их и в чистую в будни быстротекущей мирной жизни чувствуем их локоть...

От раненых, направлявшихся в госпитали, люди за много десятков километров от вы-

соты героев знали о разгоревшемся там сражении. И нередко, подавая кружку воды похеренные от пыли и бессонницы военным шоферам, которые доставляли на передовую боеприпасы и продовольствие, спрашивали:

— Как там на сопке, за Крымской? — Жарко, — коротко отвечали водители и, оглянув азгалом небо, где каждую минуту могли появиться вражеские самолеты, мчались дальше.

Никогда не забыть одного зинбного июльского дня. Четвергды брали наши бойцы высоту, и четвергды гитлеровцы сбрасывали их с гребня. Я появился туда, когда солдаты уже садилось. Только что, после пятой атаки, батальону старшего лейтенанта Лексера удавалось закрепиться на вершине.

Кругом чернели воронки, за ноги цеплялись обрывки колючей проволоки. Глубокой зигзагообразной траншеей проходила по гребню сопки, местами совсем не было видно. Вроде с землей ее заполнили тела убитых. Они лежали друг на друге в такой последовательности, в какой катились волны атак и контратак: ряд наших, ряд немцев...

В это же день старший сержант Давыдов, когда у него откатала винтовка, одолев пятерых немцев, сражался прикладом; Горбуновский и Ковалев подорвали гранатами фашистский танк. Во время последней контратаки немцев на одном из изгибов траншеи остались в живых только сержанты Найденев и Кольцов. На них бросился целый взвод гитлеровцев. Автоматным огнем сержанты отбили врага. Через несколько минут фашисты атаковали их снова. И опять не дрогнули советские воины. Когда у них кончились патроны, Найденев и Кольцов занялись за гранаты. До самого вечера зели они неравным бой, удерживая свою позицию до тех пор, пока подошли подкрепление и высота была взята. Так дрались в те дни многие. Недаром уже тогда получила эта сопка, скромно обозначенная на военных картах трехзначной цифрой, выразительное название «высоты героев».

И вот спустя ровно петнадцать лет и вновь стою на вершине сопки. Подъем не очень крут и долог, но почему так сильно бьется сердце? Рука невольно тянется к фуражке и сдергивает ее.

Только что прошел дождь. Невесть откуда

взвяхшийся ручеек уже пробил себе дорожку и, несело журча, бежал вниз, к подошме высоты, где района глаз яркой, сочной ковер озимь. А здесь, на вершине, трава была чахлой, ее редкие зеленые кустики терались в ржаво-бурой каменной россыпи.

Приглаженнее, увидел я, что многие камни, усеивающие сопку, имеют коричнево-охристый оттенок, характерный для пород, содержащих железо. Один из них поразил меня странной, причудливой формой: он напоминал цепку с несомненными, заостренными краями. Я поднял его. И только тогда догадался, что держу в руке. Это был ржавый, поменьшей от времени осколок снаряда.

Долго стоял я на вершине. Вспоминал ту, другую, трудную весну, и хотелось мне узнать: какая жизнь пришла сейчас в эти места, где пятнадцать лет назад бушевала смерть?

Пойдем, товарищ, посмотрим, как трудится сегодня здесь люди и чтут память тех, кто ценой своей крови и жизни освободил эту землю от врага. И расскажи о тех повстанцах, партизанах и жителях, в честь которых безмянная некогда сопка получила свое славное имя.

ПРИНЯТАЯ ЭСЛАФЕТА

Подвиг не умирает. Он живет в сердце народа. И как только оттремели бои на Кубани и вернулись в этот привольный край мирная жизнь, жители Мелехова, Садового и других соседних хуторов решили назвать поднимающуюся из руин и пепла артель в честь воин-освободителей.

Так родился на Кубани колхоз «Сопка Героев».

Это было трудное рождение. Не хватало крепких мужских рук: многие казаки погибли на фронте, иные продолжали биться с врагом. Не было жаяля, хлеба, семян. А надо было жить, кормить детей, поднимать разрушенное хозяйство.

Шла весна 1944 года. Приближалось время сева, но как сплутать отдохнувшую, истосковавшуюся по плугу землю, когда нет ни тракторов, ни лошадей, ни волов? Эта мысль не давала покоя комсомольцу Ивану Банкову. В прошлом первом трактористе колхоза.

Вернулся он с фронта израненый, на костылях. Не сразу выздоровел: пришлось ей белевать в чужой ставине. Долго ждал этой встречи Банков, а когда дождался, оказалась она горестной. Сломала ей же веселую и статную Аю. Тяжелая душевная болезнь поразила ее. Незнакомым мужу, потухшими глазами безразлично смотрела и на него и на четырех отставших, измученных голодом и лишениями ребят.

Другой на месте Банкова, возможно, опустил бы крылья. Но была в этом крижистом, нетерпимом человеке крепкая, настоящая завкаса. Такой никогда не наступит переизгодия и изводот свой измученный стареясь в труде. И в такое военное время и в мирные будни честно и скромно выполняет он свой долг, даже не замечая, что прокладывает дорожку вперед и ведет за собой других. А первую, известно, всегда прокладывает трудящийся. Этого боязничала хуторские старосты колхозного трактора. Волоча скакающую ногу, цельми дыми Банков прыгал вокруг машины, что-то мастерил, паял, прилаживал. И трактор оживал.

Неизгодно перет не появился в колхозе еще один смотер? Это был раненый оскоком вол. Женщины знала его в овраге, подкорниал, поддечили, и стал он основным транспортным средством: трактор берегил для пахоты.

А солба светило уже ярче, кругом звенели грозы, бланко зашлепала первая филика. Не удержимо шагала по кубанской земле весна, и надо было начинать пахоту. Но трактор, в который Банков вдыхнул новую жизнь, стоял в бездействии: никто из трактористов не решился выезжать в поле.

После того, как тиглеров покатались с есаулой линии к морю, наши саперы «прорыли» места недавних боев и обезвредили тысячи мин. Но немало их еще остается в земле. Они продолжали таить в себе смерть — противотанковые и противопехотные, ближнего и дальнего действия... — «Люд, которые выбивали немцев с нашей сопки, тоже не на прогулку шли, жизнью рисковали... Потрел Банкос старшего из детей, Васильку, по плечу, отбросил кости и взобрался на трактор. Десятки людей провожали его, и когда под землями плуга жирно заблестели пласты поднятого чернозема, у многих помокрила голова: вновь оживала родная, обильно политая кровью земля!»

Для дня не слезал Константин Иванович Банкос с трактора, все шире становился черным волнистый прямоугольный пашни. А на третий день пришла беда. Когда Банкос повел машину по склону сопки, раздался оглушительный взрыв. Колхозники, зарывавшие неподалеку старые воронки и окопы, видели, как высоко взметнулось кверху облако дыма и пыли.

От трактора не остался почти ничего. Далеко в стороне лежал Банкос, недвижимый, окровавленный, но живой. Жена его уже не увидела этого. Услышав взрыв, она пронзительно вскрикнула и упала. Больше ей встать не пришлось: сердце не выдержало нового испытания...

Полгода провел Константин Иванович в больнице. За это время организованная рядом с колхозом МТС успела получить два новых трактора. На развалках хутора начали подниматься новые дачи. Одну из них колхоз отстроил Банкосу и его ослепшим ребятам. Васек вытянулся, повзрослел, стал надежным помощником отца.

Банкос вернулся домой только к осени. Подходила пора зябнуть зыбь и сеять озимые. Константин Иванович мог бы, конечно, отдохнуть — об этом ему говорили и товарищи и директор МТС, у Банкоса была исчислена не только нога, но и рука, на лице бегровели следы ожогов. Однако не такой Банкос человек, чтобы отыгаться, да еще в трудное для колхоза время. И опять пошел он трактор в поле. Но теперь работал не один: Васек сидел на прицепной сямке. Радовался Банкос, глядя на сына: рос он сметливым, проворным паренком, — и в ярых, более легких условиях доверил ему вести трактор, а сам участвовал на сямке.

Незаметно летели дни. Сев уже подошел к концу, когда вновь прокатились у Сопки Героев гудяки взрывов... На этот раз были тяжелее ранены и отец и сын. Но недаром говорит Константин Иванович:

— Хороший урожай томатов соберем и в этом году! — говорит зябневая комсомольско-молодежная бригада.

— Мы, Банкосы, крепкие!

Выдохнули она. А когда выдохрели, снова сели на трактор.

И Константин Иванович и Василий по-прежнему трудятся в колхозе. В последние годы прибавили в их дружной, рабочей семье еще один тракторист — младший сын Банкоса, Ильяс.

Банкос был первым, но единственным трактористом артели, отважившимся пахать заминированные поля. И вслед за ним этот подвиг повторили Дыченко, Воробей, Решетневский, Куземский. И все сошло это благополучно. Но люди колхоза трудились на местах бывших боев с таким же упорством и мужеством, с какими сражались на Сопке Героев их братья.

Долго оставался незапаханным один дальний, примыкавший к сопке участок. Механизаторы побоялись браться за него. Пример показали им партгор колхоза Василий Кривокобыльский и тракторист Петро Махула. Участок был освоен, хотя пау, на котором сидел Кривокобыльский, все же выпала одну противотанковую «тарелку».

А вскоре кубанская молодежь поднялась на борьбу с минами. Десятки комсомольцев прошли при военкоматах краткосрочные курсы и дружно взялись за опасное дело. Это дало возможность засеять многие гектары пустовавшей земли, заложить новые сады и виноградники.

Кончилась война, и стал колхоз подниматься на ноги. Государство помогло семенной ссудой, из армии возвратились мужчины. Незаметно подросло и молодое поколение, которое совсем недавно, несмотря на стражайший запрет родителей, бегаало на сопку собирать пустые патроны гильзы. Словом, не сразу и нелегко, но жизнь налаживалась.

Первые пять послевоенных лет колхоз как бы брал репья, а потом решительно двинулся вперед. Да так, что о его делах заговорила вся Кубань...

СЛОВО БЕРЕТ МОЛОДЕЖЬ

Холодным декабрьским вечером в красном уголке собрался рабочий синермодем. Долго не могли уговориться девчата: сначала рассказали «по секрету» друг другу последние новости, потом обсудила фасон платья, шитого к Новому году Ниной Терешенко.

Заведующий фермой Михаил Полевой пытался утихомирить девушек, но так как человек он и сам молодой, любит пошутить, пошулушался, его не сразу. Затили, вновь наговорившись и насмеявшись. Да и стоит ли этому удивляться: ферма ведь комсомольско-молодежная!

Однако собрание, начавшееся сформированно, дальше пошло так, что и самый придириный председатель остался бы доволен его результатами. Когда Полевой заговорил о колхозных делах, наступила тишина. Стало слышно даже, как шуршит о стекла хлопья снега.

— Хороший урожай томатов соберем и в этом году! — говорит зябневая комсомольско-молодежная бригада.

Николай Анимович Цирикунов доволен: боевые

Братская могила, где похоронены воины Советской Армии, павшие смертью храбрых в районе станции Крымской.

фото В. Темкина.

— Наш колхоз держит первенство в крае по производству свинины, — сказал Полевой. — 39,7 центнера свиного мяса на сто гектаров земли — эти итоги работы фермы за 1957 год мы все знаем наизусть. Есть чем гордиться. Но разве это предел?

И снова зашумели девчата:

— Что вы нас агитирует, Михаил Иванович!

— Сами знаем, еще надо потягаться с Айлов.

— Были бы корма, за нами дело не станет. Тут слово взяла Аня Непомнящая. Прямиком ее подруги: знали, скажет она дельное. Худенькой девчонкой с двумя косичками пришла Аня десять лет назад на ферму. А теперь — одна из знатных свинок Кубани, недавно награждена орденом.

— Дело ясно, девчата. Надо тянуться выше. От каждой из закрывающих за мясом свинок она получила по двадцать два поросенка. В новом году думаю вырастить по двадцать пять.

— А я — по двадцать три, — сказала Нина Терешенко.

Завязался «проециальный» разговор об уходе за молодняком, о кормах, о нововведениях Полевого, предложившего ввести в рацион соломенную муку. В азарте решили девчата довести производство свинины в 1958 году до 100 центнеров на каждые сто гектаров угодий.

— Замаялись слишком шибко, пришлось поправить молодежь, — рассказывал мне председатель колхоза «Сопка Героев» Герой Социалистического Труда Николай Анимович Цирикунов. — Взяли мы обязательство получить по 60 центнеров свинины. — И, хитро улыбувшись, добавил: — Лучше переволнуй обязательство, нежели ослепнуть. Вот наши дядки без лишнего шума давно обставили Айлов... В 1955 году казавось, что далеко колхозу до американского штата: там на сто гектаров земельных угодий наивысоко по 211 центнеров молока, а в нашей артели — почти в два раза меньше. Но у Любы Куземки, Рай Колотовой и других дядок было на этот счет свое мнение. Пронес год, и колхоз получил 298 центнеров молока на сто гектаров земли и одним из первых на Кубани обогнал Айлов. А в минувшем году мы имели уже 298 центнеров. Далеко позади остались американские фермы... Еще годик, другой, обгоним их и по мису.

Долго длилась наша беседа с Николаем Анимовичем. Он распрощав меня о боих на «голубой линии», а сам рассказывал о достижениях колхоза, который с 1954 года является постоянным участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, держит переходящее Красное знамя Краснодарского крайкома КПСС и крайисполкома.

— Много еще предстоит сделать, — говорил Циркунов. — Надо значительно поднять урожайность, удвоить, утроить денежный доход с каждого гектара. Задачи большие, но реальные. Решать их будет наша молодежь. А она у нас всходы тон задаст... Вот хотя бы взгляните сюда, — продолжал Николай Акмочив, указывая на колхозную доску почета, — здесь почти одни молодые лица.

— Что-то у вас в почете одни девушки? — поинтересовался я.

— А это потому, что до сих пор все механизаторы работали у нас, а числились в МТС. Привезайте к нам после уборочной и увидите, что девицам на доске почета придется сильно потесниться. Ведь теперь и хватить и журить трактористов мы будем сами. Кончатся их независимости! — пошутил Циркунов. — Хлопцы у нас боевые. Разве один девчата справилась бы с плавнями?

ПОБЕДА НАД ПЛАВНЯМИ

Плавни... Веч кубанских хлеборобов, расседки мелиоран. Огромные, запятые водой, заболоченные пространства, окаймленные высокой стеной камыша. Победой над ними законно гордятся в колхозе «Солка Героев».

Несколько лет назад лишь около четверти закрепленной за колхозом земли было пригодной для плавни. Воды коварного Алагуа ежегодно «съедали» у артели сотни гектаров плодородной земли: летом эту речку кукуруза вброд передевает, а весной разливается она так, что не передешь. Зажатый между солками и плавнями, колхоз постепенно терял пахотные угодья.

За освоение плавней ввязалась молодежь. Это было нелегко, но славное дело. «Бредней» Алагуа отгородил семикилометровой дамбой, провели десятки осушительных канав. Тракторист Владимир Зайкин, Иван Трои, Семен Глушач и знакомый уже нам Петр Машкул по несколько суток не спали с тракторов, корчуя кустарники. Механизаторы вносили «главный удар», а за ними с топорами и лопатами шли десятки людей, уничтожая заросли.

Только за один прошлый год колхоз освоил 1 400 гектаров богатейшей земли, увеличив пахотную площадь вдвое.

Много лет оставались под водой окрестности хутора Плавневского. Ввязались и за них. Энтузиаст освоения плавней старший агроном артели Иван Тимофеевич Замковой, раздобыл где-то старый танковый мотор. К нему приспособили мощный насос и стали откачивать воду с трудного участка.

— Когда приступили к этому делу, — вспоминает Замковой, — многие смотрели на нашу затею косо. Говорили с ехидней: зря качают колхозные денюжки.

Поначалу сомневались и те, кто был приставлен к насосу: казалось, вовсе не убавалась вода. Но вскоре пришлося мелиораторам прикусить языки. Плавни осушили, распахали и засеяли кукурузой. Как будто миновали уже все сроки для сева: было это в последних числах июля. И тут показала плавневая земля, какая таилась в ней животворная сила. Дружно поднявшиеся всходы стали расти боком по дням, а по часам. Прошло немногим больше месяца, и вымахала кукуруза в два человеческих роста. От 35 до 70 тонн зеленой массы с гектара собирали здесь колхозники.

Покорные плавни оказались настоящим золотым дном: в прошлом году они принесли колхозу около пяти миллионов дохода. Озимая пшеница дала на новых землях по 35—40 центнеров с гектара, а комбинь — молодое зрело Любы Яншиной, занимающее первенство в Крымском районе, собрало там по 350 центнеров томатов.

Наступление на плавни продолжается...

Ярко, солонное лето пришло сейчас в Кубань. Высоко поднялись колхозные хлеба, на месте шестелевских камышами унылых заболоченных плесов зеленеет кукуруза, ставши хустился томаты, а на склонах ставшей легендарной солки начинают заливаться соком виноградные гроздья.

Колхоз «Солка Героев»,
Крымского района,
Краснодарского края.

МОСТ ДРУЖБЫ

Фотоочерк
Герберта Хейнского.

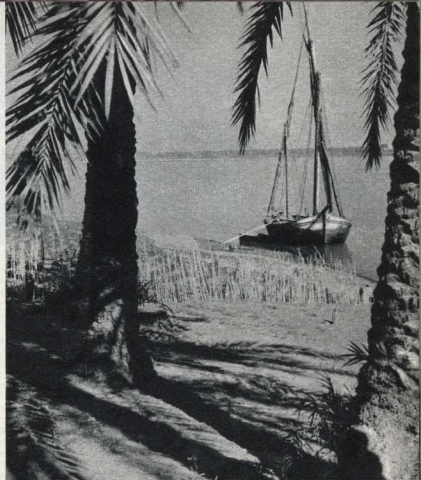

С высокой фермы будущего моста видна вся стройка, простирающаяся до противоположного берега великой реки.

Мост дружбы делается с любовью, прочно, на века.

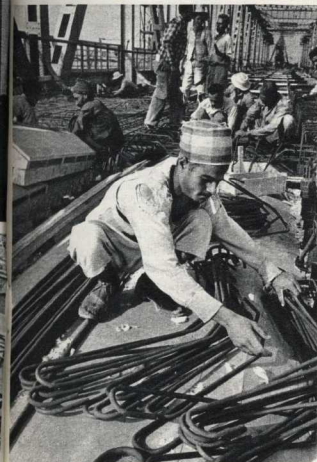

В Египте, у города Хелуан, широко развернулись строительные работы. С каждым днем все отчетливее вырисовывается контуры гигантского моста — моста дружбы, как называют его египтяне и венгры, ставшая в годы войны новой властью хорошо развитой индустриальной страной, теперь сама обеспечивает себя современными машинами и оборудованием, во и экспортирует их во многие страны мира. А венгерские специалисты далеко за рубежом своей родины строят электростанции и заводы, создают лаборатории. Сейчас под руководством венгерских инженеров возводится самый длинный в Африке мост на реке Нил. Это красное сооружение будет всегда напоминать египтянам о дружеских чувствах, которые питают к ним народы социалистического лагеря.

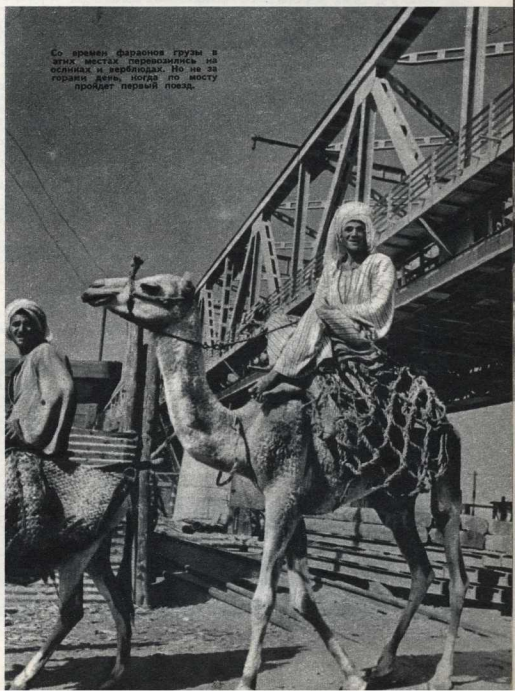

Это один из тех, кто с помощью венгерских друзей возводит мост дружибы. Приятно строить для родной страны, сбросившей с себя оковы невиданного колониализма!

Вид на Нил в районе строительства. Гасырлетия прошли здесь, но оставил никаного следа...

Большинство рабочих, строящих мост, — феллахи, пришедшие сюда из острейших деревень. Они быстро овладели непривычным для них делом.

Со времен фараонов грузы в этих местах перевозились на ослах и верблюдах. Но не за горами день, когда по мосту пройдет первый поезд.

В тесном сотрудничестве трудятся египетские и венгерские инженеры.

КАМЕРА СЕМЬ МОЛЧИТ

Публикуемые ниже строки написаны секретарем коммунистической партии Алжира Ахмедом Аккашем, который уже больше года томится в тюрьме вместе с сотнями других алжирских патриотов, борющихся за свободу своей родины.

Дверь камеры имеет глазок. Величиной он с медную монету и с наружной стороны прикрыт металлической задвижкой. Мне невозможно видеть кого-нибудь из тех, кто сидит со мною в тюрьме, но я могу их слышать. И я постепенно учусь распознавать их голоса. Есть среди них суровые и припылые, звонкие и боные, есть веселые и наивные голоса алжирских парней, рано созревших на древних улицах городов, есть певучие голоса, с местным, но молодничавшим акцентом горные из Дженджины. Я привык каждый вечер прислушиваться к голосам Мерзак Мустафы, Аллауи и Хамиды, Мохамеда, Гасема и Джафара, особенно Джафара. Его камера как раз по моему.

Джафар — мой земляк. Он из того же города и района, что и я. Оттуда же родом и Гасем. Джафар — двадцатилетний рабочий. Он познал в своей жизни и безработицу и лишения. Так же, как и других детей в колониальных странах, его воспитала нужда. Все эти молодые люди приговорены к смертной казни за то, что боролись против французской полиции.

В первый же день после того, как я получил возможность выйти на однуединую прогулку в тюремном дворе, я услышал радом, за глухой оградой, звон кандалов. Звук доносился со двора смертников. Над забором появились два лица. Гасем и Джафар улыбались мне.

— Похудел ты как! Что слышно у тебя?
— Все хорошо, очень хорошо!
— Новости какие?
— Очень хорошие новости, держитесь крепко!

На круглом лице Джафара появлялся насмешливая улыбка. Его глаза лукаво заблестели. Он отвлеченно понимает, что после того, как я просидел восемь дней в карцере, у меня не могло быть никаких новых сведений. Но это не так уж важно. Правильно поведение здесь является уверенностью и оптимизмом. И когда иной заключенный, измученный тюремным режимом, отвечает простым «дела в порядке», смертник сознательно воспринимает: «ты не падай духом, мы победим! Да здравствует!» С нами или без нас!

«Да здравствует!» — это родина, Алжир.

Друзья спрашивают у меня: — Нужно тебе что-нибудь? Табак есть у тебя!

И тотчас же через забор летит ко мне сияющая пачка тюремных сигарет. Я подбираю ее с земли и тут же перебарываю обратно.

— Гаупсти какней! У меня есть, что нужно.

Услышав разговор, явились надзиратели. Нам приходится расставаться. Вечером, после проверки, наиболее важные новости будут переданы во все камеры как послания братской дружбы и надежды.

Но сегодня вечером мне испоконно. И поэтому я стал звать,

наклонившись над вентиляционными отверстиями:

— Джафар! Джафар!
— Да!.. Я здесь!
— Как у тебя там?
— Очень хорошо, очень хорошо! Побольше только мужества! Голос такой же звонкий, как всегда, такой же веселый и беззабудный. Джафар спрашивает: — Нет ли у тебя каких-нибудь новостей?

— Все в порядке. Пусть только не погоняет тебя твердость духа! Я не хотел сказать ему о том, что услышал только что в комнате свиданий: что «культура» все сильнее беснуется в Алжире и, устроив расистскую демонстрацию у ворот тюрьмы, снова требовали крови. И ни опыта для удовлетворения. Вверху на расвете казнили четырех приговоренных к смерти. Все заключенные обывали двадцатичетырехчасовую голодовку.

Сегодня вечером у меня не должно быть мрачных предчувствий. Наверное, гиллотину уже убрали. Быть может, ее уже установили в другом месте, где она совершит свою кровавую работу, — в Констанцию или Орле. Но сегодня вечером... сегодня вечером... Сом никак не приходит ко мне.

Два-три часа как умолкли дневные шумы. Наступила такая тишина, что можно слышать доносящиеся из соседней камеры мур-

1 Так называют в Северной Африке иррабине, националистические кружки французских колонизаторов.

ное дыхание или упорный кашель заключенных. Ухо едва улавливает шаги тюремщиков, совершающих каждый час ночной обход. Одним метром ниже подо мной спит сейчас пятнадцать девять смертников, спит со спокойной решимостью людей, которые уже бесповоротно, раз и навсегда принесли в жертву идеалу свою жизнь.

Неожиданно сон одолев и меня, сон тревожный, с таящими видениями. Еще в полудремоте я услышал громкий крик:

— Они опять здесь, товарищи! Они опять здесь!

Я вскочил со своего набитого соломенной мешком. Лампы погашены, тюрьма погружена во мрак. За моей дверью слышу шепот: «Камера семь... камера семь...» Визгу, подо мною... шаг, визг ключей в тяжелых замках. Доносится крик человека, которого тащат из камеры: «Прощайте, товарищи! Будьте мужественны! Алжир будет жить!»

В одно мгновение все тюрьма пробуждается. Заключенные извлекают свою болю и глея в крик: «Убийцы! Убийцы!»

Шум нарастает, усиливается. Творящего ничем не податлив, слезы прорывают неурядицей потоп. Это множится под бесконечными сводами тюрьмы. Прикажишь и решеткам обших камер, крича в дверные глаза, барабана в двери одиночек, заключенные провозглашают боевыми призывами и песнями в последний путь друзей.

Начинает рассветать, в тюрьме постепенно снова наступает тишина. Из одной камеры в другую переходит сообщение: «Они эхали латерис. Мерзак и Мохамед...»

Идалека, из очень большого далека, пробиваясь сквозь стены, доносится к нам возглас, четкий и звонкий, гордый и непреложный: «Да здравствует Алжир!»

Наверное, в этот момент с легким свистом скользнул вниз нож гиллотины. Скитался голова человека, которому всего лишь двадцать лет. И в ответ потрясающей силы хор голосов разносит победный клич: «Да здравствует Алжир! Да здравствует Алжир!»

И когда тишина снова влезает

Рисунки художника Кара-Ориха Моллера (ГДР).

АЛЖИР БОРЕТСЯ

Расставание.

Агрессоры.

падает над торной, мы слышим из женских камер последнее эхо возгласов наших заключенных сестер, солидарно протестующих вместе с нами, и эти возгласы звучат, как отклик дальней, полной страстной жалобой: «Да здравствует Алмира!»

Теперь все кончено. Петеро увиденных на казнь продолжают жить лишь в памяти народа. Разрушенные снова опускаются на свои соломенные тюфяки. Еще раз звучит одинокий возглас: «Товарищи, вы будете отомщены!»

Сегодня вечером, когда снова начинается товарищеская перекличка между камерами, мы недоумительно пыхтим. Мерзак, Момхамед... Их уже нет. Я думаю о других патриотах, чьи головы скатились в корзину с опилками, о молодых алжирских борцах, которых не выпала на долю даже часть стая под пули авиации солдат. Я думаю о прощальном крике заключенного из камеры номер семь. Сколько в нем было величавого мужества! Кто же это был? Джафар сумеет мне сказать это. — Джафар!

Ответа нет. Наверное, он не услышал меня.

— Джафар! Джафар! Опять молчание. Тогда у меня словно стиснуло горло. Я изо всех сил и в последний раз кричу в надежде, что мне удастся снова услышать теплый голос этого молодого парня, полного жажды деятельности и жгучей радости.

Но ответа нет. Теперь уже становится ясно: и Джафар, точно так же, как и Мерзак, как и Момхамед, больше никогда не откликнется на наши зовы. Это он сидел в камере семь.

В изнеможении опускаюсь на соломенную постель, глядя в проясняющуюся за окном ночное небо. Камера Джафара пуста... Друг мой, товарищ, брат мой! Я думаю... Я вижу перед собой его озабоченное шаркающей детской улыбкой лицо.

В окне рассвет. Наступает новый день. Щебечет ласточка, немного встревоженно и удаленно тихонько, наступившей след за бурей. Я ощущаю нежный запах... запах жасмина, который зарывается завтра на могилы наших мучеников.

«ИЗ ОДНОГО КОТЕЛКА»

КОНКУРС ЖУРНАЛОВ

«Смена» и «Доюкола свята»

Журнал «Смена» и польский иллюстрированный молодежный журнал «Доюкола свята» («Вокруг света»)

ОБЪЯВЛЯЮТ КОНКУРС

на лучшее воспоминание о совместной борьбе советских и польских воинов против фашизма в период второй мировой войны. Назван конкурс:

«ИЗ ОДНОГО КОТЕЛКА»

В конкурсе могут участвовать все солдаты, офицеры и партизаны, принимавшие непосредственное участие в боях, бывшие работниками фронтовых тылов, а также граждане, оказавшие в то время помощь партизанам или солдатам, бившимся на полях.

Воспоминания должны касаться только лично пережитого, как можно более тщательно документированы и не превышать 15 страниц машинописным текстом.

Воспоминания, признание лучшим, будут опубликованы в журналах.

ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА
УСТАНОВЛЕНЫ:

1 ПРЕМИА — ДВУХНЕДЕЛЬНАЯ ТУРИСТСКАЯ ПОЕЗДКА
В ПОЛЬШУ.

5 ПООЩРИТЕЛЬНЫХ ПРЕМИЙ.

СОЗДАНЫ ДВА ЖЮРИ: СОВЕТСКОЕ И ПОЛЬСКОЕ.

В СОСТАВ ЖЮРИ КОНКУРСА ЖУРНАЛА «СМЕНА» ВОШЛИ:

ЛОБАНОВ П. П. — Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, председатель Общества советско-польской дружбы;

ВАСИЛЕВСКАЯ В. Л. — писательница;

ВЕНЦЛОВА А. Т. — писатель;

ВЕРШИГОРА П. П. — писатель, генерал-майор, бывший командир Первого Украинского партизанской дивизии имени Ковпака, действовавшей в 1944 году на территории Польши, Герой Советского Союза;

ВЕЛИЧИО М. А. — главный редактор журнала «Смена»;

ДУБРОВСКИЙ Д. Г. — генерал-лейтенант, бывший член Военного Совета 61-й армии, участвовавшей в освобождении Польши;

МАРЕСЬЕВ А. П. — ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны, Герой Советского Союза;

ПРОКОПЮК Н. А. — полковник, бывший командир партизанского соединения, действовавшего в Польше, Герой Советского Союза;

РЕМЕЗОВ А. Н. — член редколлегии журнала «Смена».

Советские участники конкурса присылают рукописи в редакцию журнала «Смена» (Москва, 1-я улица Ямского поля, 28) с надписью: «ИГ конкурс».

Конкурс продлится до 1 ноября 1958 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«ПЕРВЫЕ СДВИГИ»

«Меня заставила писать наша действительность, та новая жизнь, которая коренным образом изменила быт, культуру моего народа», — говорит молодой индийский писатель Г. Ходжер в предисловии к сборнику своих рассказов «Первые сдвиги», выпущенному издательством «Молодая гвардия». Этой действительности, рабочим будням тружеников-индийцев автор и посвящает свои рассказы. В них, как правило, нет сложных сюжетных поворотов, острот драматических ситуаций, но когда достигнешь последнюю страницу книги, долго не покидает тебя какое-то особенное, светлое чувство.

В творческой манере Г. Ходжера привлекает прежде всего стремление всегда быть конкретным. Он не говорит отвлеченно о переменах, происшедших в жизни наиндийцев за годы Советской власти, а рисует яркие человеческие характеры, в которых, как в капле воды, отражены эти перемены. Вот почему все, о чем рассказы

автор, приобретает достоверность и убедительность.

Надого запомнится читателю образ колхозного члеловола Бельды Моранга из рассказа «Мой знакомый члеловол». Жнво, с доброй понимающей улыбой друга раскрывает Г. Ходжер беспощадную жажду до всего нового душоу своего героя. Назначенный на должность колхозного члеловола, Моранга нескладно году довернем, которое оказали ему колхозники.

С тонким юмором повествует Г. Ходжер о напуганном пренебрежении Моранга к книгам по члеловолству. При неутомимой страсти члеловола к раного рода новштвам его пренебрежение к науке не может не показаться по дозрительным. Трудно сдержат улыбку, когда, разоблаченный в безграмотности, Моранга, обзавдав гордыстью, впервые садится за буювар...

Отрадное впечатление производит рассказ «Сюпка». Несмотря на

кажущуюся простоту его сюжета и некоторую прямолинейность, рассказ глубоко психологичен.

О каждом из десяти рассказов, помещенных в сборнике, можно сказать много хорошего, но встречаются в них и серьезные недостатки. В рассказе «Учительница», например, очень слабы лирические сцены. Влюбленные объясняются холдульями, написанными фразами. А рассказ «Соперники» попросту легковесен, малозначителен по содержанию. Очень резко и не всегда удачно Г. Ходжер использует пейзаж. Вместо того, чтобы нарисовать широкую, красочную картину природы, автор обычно отделяется общими фразами.

Однако недостатки книги не могут заслонить главного: хорошо зная жизнь своего народа, автор в подлиннокровных художественных образах и метких деталях запечатлел характернейшие черты этой кипучей, обновленной жизни.

Э. СЕВЬЯННИКОВ

Амрия Свободы.

«Красные дьяволы».

Д. О. РОГОВ

*приключенческому
фильму!*

в книге, но зато в нем появились полный набор приключенческих штампов. События изображены бегло и отрывочно. Герои преодолевают препятствия с необычайной легкостью: иногда зритель даже не видит, как это происходит, и узнает о случившемся из слов действующих лиц.

Возьмем, для примера, эпизод с аппаратом, в котором иxtиолог Лорджанидзе отправился исследовать глубины воды океана. Батисфера попадает в шупальцы кальмара. Связь прервана, управление нарушено. Мелькает несколько коротких кадров, зритель видит батисферу, подымающуюся к подлодке, и узнает, что Лорджанидзе спас Марью Скворешню. Как же вел себя иxtиолог во время катастрофы, как вырвался Скворешню и добрался до подлодки — обо всем этом говорится мимоходом. А между тем именно в этих событиях мог раскрыться настоящий характер героя.

Только досудя выделять эпизод с женщиной-рыбкой, которая пытается помочь бегству диверсанта. Она попадает в камеру, доверху наполненную водой, теряет сознание, а в следующих кадрах как ни в чем не бывало идет по коридору подлодки в новой, легкой откинутой форме.

В фильме много разных событий, но ни одно из них не раскрывает характеров действующих лиц. Мы не можем ни полюбить, ни возненавидеть героев, так как перед нами не живые люди, а автоматы, действующие по заранее заданному плану. Вместо приключений на экране информация о них.

Один из главных персонажей книги — подросток Павлик, деятельный, смелый паренек, который ходит с подводниками по дну океана, исследует затонувшую во времена Колумба каравеллу, помогает Скворешне выбраться из грота, вместе со взрослыми «ведет» за собой магнитные торпеды.

Рисунок Е. Ведерникова.

Приключенческие фильмы! Сколько раз говорили о том, как нужны они молодому зрителю и как велико их воспитательное значение! Молодежь ждет от киноработников волнующих рассказов о смелых путешественниках, об отважных морских, об энергичных людях, вступающих в единоборство с коварным и опасным врагом.

Тридцать пять лет назад был создан первый советский приключенческий фильм, «Красные дьяволы», а многие и сейчас вспоминают его героев — Мишу, Дуняшу, юного негра Тома. Вспоминают о том, как «дьяволы» бились в плен белых, ходили в разведку. В двадцатые годы трудно было найти человека, который не посмотрел бы несколько раз эту картину.

Хорошие приключенческие фильмы появлялись и в более поздние времена. В последние годы вышли на экран «Подвиг разведчика», «Смелые люди», «Дело № 306» и другие. Эти фильмы поразились глубиной мысли, цепляющимися запоминающимися характеристиками; они наглядно показали, какие огромные возможности таится в приключенческом жанре.

Однако среди приключенческих фильмов, созданных в последние годы, нет ни одного, который можно было бы поставить рядом с лучшими картинами других жанров.

Частым гостем на экране стал эпизод опытный, всезнающий человек, наперед предугадывающий все концы истории. Ему всегда «ведать», он легко преодолевает любые трудности. Злой действует, как правило, несострадающий человек в конце концов терпит поражение. События в таких фильмах изображаются так торопливо, что по ним невозможно ни охарактеризовать поведение героя, ни представить обстановку, в которой он дей-

ствует. Бывает, что зрителю порой нелегко разобраться в калейдоскопе нагроможденных эпизодов.

Нередко даже по хорошим приключенческим произведениям ставятся слабые фильмы. Так, например, случилось с экранизацией романа В. Каверина «Два капитана». В книге тайна экспедиции капитана Татарикова раскрывается Саней Григорьевым после долгой и мучительной борьбы, в фильме же драматическое развитие событий исчезло, их место заняли случайные происшествия. Сидя, смелый, благородный юноша, в фильме не проявляет никаких свойств характера. Как и остальные персонажи картины, он лишь слабая тень героя книги.

То же самое произошло с романом Г. Адамова «Тайна двух океанов». Сценарий, написанный по этому роману В. Алексеевым, Н. Рожковым и К. Пилипашвили, утратил многое, что привлекало

НЕ ГНАТЬСЯ ЗА ДЕШЕВОЙ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬЮ

Однажды в глухом закулке двора я увидел трех подростков. Один из них, прижик к колену погланную книжку, что-то говорил, нахула брови. Двое других сосредоточенно слушали. Часто повторялись слова: «Капитан Немо... Натусил... Ребета, видню, только что прочитали роман Жюль Верна «80.000 километров под водой».

— Эх, поплавать бы не «Натусил» — мечталиво сказал паренек, держащий книгу.

Мг — и мальчишки цепко ухватились за прутья пожарной лестницы. Бестрашно начали они карабкаться вверх. И я догадался: лестница стала для них мачтой неведомого корабля, стана до-

ма — неприступной скалой, а двор с песочницами, лазовками и деревьями — огромный морем.

— Вспомнился мне юные годы, когда я вот так же заныривал книгами, мечтал о путешествиях, смелых походах и, как на большой праздник, шел в кино, где раскрывались периоды романистики неведомых приключений.

Старые фильмы двадцатых годов, пересмотранные уже десятилетия, дороги мне и сейчас, хотя я отлично вижу их слабости. Я вспоминаю то ощущение силы, взлета, которое охватывало наши мальчишеские души, когда мы, затаив дыхание, следили за судьбами любящих героев, переживали все их удачи и тревоги.

Мальчишеские годы ушли, но я не только не перестал любить приключенскую литературу и приключенческие фильмы, но и сам теперь участвую в кинокартинах этого жанра. Недавно, например, вышел на экраны кинофильм «Юночий патруль», в котором я играю Огонька, известного в прошлом альфонсика сейфа. В годы Отечественной войны Огонек попал в плен, затем работал у американцев на урзовых рудниках. Но он все время мечтал возвратиться на Родину. Поступил моряком на английский судно, Огонек возвращается домой. Как происходит поворот в его сознании, об этом и рассказывается в кинокартине.

Сейчас я получаю от зрителей много писем. Мне пишут школьники, молодые ребята, есть письма и от людей, судя по стилю в какой-то степени близких к

Этот обаятельный герой в фильме почему-то предстает малышом, играющим в «элопонику».

Фальши в фильме «Тайна двух океанов» много. Ну кто из зрителей примет фаворитку архитектуру за гроты и скалы, а чающую, маломинимальную елочную украшение растительность за богатый полевой мир! И это в то время, когда на экранах страны с большим успехом демонстрировалась «Глубокой континент», «В Тихом океане», поразившие чудесными поведаниями пейзажами! Режиссерами привнесла зрителей и кинокартина «Пленники Барсова ущелья», поставленная режиссером Ю. Ерзянином по

приближенно разделены на «положительных» и «отрицательных», и уже при первом их появлении на экране становится ясно: вот он — герой, а вот — злодей...

Слов нет, фаворит приключенческого фильма присущи особая сложность, острота и неожиданность. Но если у действующих лиц много полнокровных характеров, не перестают волновать те опасности, которые подстерегают героев. Правда подвига, правда примера — вот что привлекает зрителя в лучших работах этого плана.

В приключенческих фильмах, повзвизавших на экране, много недостатков. О них говорилось в печати не раз. Кроме того, уже подчеркивалось, что картин такого жанра выпускается очень мало. Наши киностудии почему-то не любят этот боевой, очень нуж- ный молодому зрителю жанр.

Возможности создания полноценных приключенческих кинофильмов у нас есть. Многие любительские читательские произведения ждут своего воплощения в кино. Романы и повести А. Белая, Н. Томана, Н. Трублина и других могут служить прекрасным материалом для экранизации. А какой превосходный материал для кино дают произведения о подвигах советских партизан! Почему до сих пор не экранизирована повесть «Это было под Ровно» Д. Медведева?

Пора покончить с выпуском пустых приключенческих фильмов, лишенных воспитательной и познавательной ценности.

Приключенческому жанру надо открыть широкую дорогу на экранах кинотеатров и клубов!

В. КОЛОДЯННЯ

одной из повести В. Афанана. Забыть тоже сказала вредное влияние шамалов.

Авторы приключенческих кинофильмов увлекаются нагромождениями неправдоподобных сюжетных построений, рассчитанных на дешевый эффект. Их полно в картинах «Застава в горах», «Опасные тропы», «В квадрате 45», «Призраки покидают вершины» и многих других, страдающих отсутствием жизненности и достоверности. Действующие лица в этих фильмах

судьбой Огонька. В этих письмах содержится и глубокое раздумье о правильном пути человека в жизни и надежда на возвращение в трудовой коллектив.

И вот сейчас, сопоставляя восторги подростков, прочитавших трудную книгу, и впечатления людей, смотрящих фильм, я еще раз восхищаюсь щедростью искусства, которое помогает людям мужать, преодолевать трудности, находить правильные пути в жизни. Сила это, и сожаление, недостаточно используется там, кто работает в области приключенческого жанра в кино.

У нас еще очень мало выходит хороших приключенческих фильмов. И причина здесь, на мой взгляд, вот в чем: многие режиссеры стремятся подменить изображение больших человеческих страстей говорящими ситуациями и неожиданными

Многим кинокартинам просто недостает масштабности, смелости в постановке тем. Из фильма в фильм переводят одни и тот же «счастливые» герой. Он ничему, конечно, не может научить, не в состоянии увлечь, помочь воспитанию в молодых людях стойкости, смелости, отваги. Этот герой должен быть изгнан с экрана. Пусть его место займет настоящий, полнокровный, живой человек, который раскроет перед молодежью пути в неизведанное, умело направит ее мечту, на собственном примере продемонстрирует необходимый шаг. Не пытайтесь за дешевой занимательностью, а создавайте цельные, глубокие характеры — вот, на мой взгляд, то, что приведет нас к успеху.

Марк БЕРНЕС,
заслуженный артист РСФСР.

«Подвиг разведчика»

«Дело № 306»

Кинонадры взяты из архива кабинета истории кино ВГИК

Зигмунд СКУИНЬ

Мало ДЕНЕГ

Рассказ

Роза обладает многими из тех качеств, за которые хвалят женщину. У Мартыньша, в свою очередь, немало качеств, украшающих мужчину. А оба они составляют славно пару новобрачных с семейным бюджетом тысяча двести рублей в месяц. Может быть, вам покажется странным, что в рассказе о двух молодых людях с первых же строк говорится о деньгах, хотя еще ни слова не сказано о любви? В таком случае я приношу свои извинения и добавлю, что о молодых людях у нас есть сотни рассказов, в которых с первого до последнего предложения говорится только о любви и ни словом не упоминается о деньгах...

Они поженились ровно год назад и после этого ходили по заводу с таинственными лицами, как два счастливых заговорщика, которые знают что-то такое, что известно только

им одним и чего не может знать никто другой на свете. Все, что делала Роза, вызывало восхищение Мартыньша; все, что делал Мартыньш, приводило в восторг Розу. Это было главным, а все остальное пустяки, и они порхали над этими пустяками, как мотыльки в лучах весеннего солнца.

Однажды утром, примерно через неделю после свадьбы, Роза в волнении сообщила своей подруге Вере:

— Знаешь, Вера, Мартыньш больше не будет работать в цехе, его приглашают мастером в ремесленное училище!

— В ремесленное училище? — зავая, пожалела плечками Вера. — Там он будет зарабатывать гораздо меньше, чем у нас...

— Ну, знаешь ли, деньги не самое главное. Работа там интересней!

Роза заморочив притявляницами было просто непонятным. В то время она еще не считала ни поцелуев Мартыньша, ни его рублей. Она даже не заметила, что ответила Вере словами Мартыньша, которые он сказал ей накануне.

Прошло несколько месяцев. Много нового они превратили в старое, а кое-что старое обновили. Например, ссора сама по себе — явление весьма древнее, но ссора между Розой и Мартыньшем была делом до сих пор невиданным. Может быть, этой ссоры вообще не было бы, если бы Мартыньш не нервничал из-за того, что ремонт в ремесленном училище затягивался, и если бы Роза не приготовила рыбьего филе. Но случилось именно так.

— Опять рыба на ужин? — спросил Мартыньш, садясь за стол и сделав кислую мину.

— Что значит «опять»?

— Да так, позавчера ведь рыбу ели...

— Позавчера была треска, а сегодня морской окуни.

Разговор неожиданно перешел в область финансов. И эта тема сама по себе не нова, но Роза и Мартыньш очень удивились тому, что заговорили о деньгах...

После первой ссоры последовало весьма важное событие — первое примирение. Через час они чувствовали себя людьми, которые не

только ничего не потеряли, но, наоборот, кое-что приобрели. Оба уснули счастливыми и радостными, порешив, что впрямь они будут жить экономно и что тысяча двести рублей — все же большие деньги...

Эх, читатель, чему ты сейчас улыбаешься! Не блуждай ли намеренным, с помощью которых все мы без лестницы взбираемся на небеса!

...Витрины устраивают для того, чтобы люди разглядывали товары. Ну, а разве Роза не человек? И она не ходит по городу с закрытыми глазами.

В витринах выставлены мягкие одеяла, ослепительно белые полотенца, ведра и кружки, тарелки и блюда — именно то, чего так не хватает в доме у Розы... У витрин овалитывалась. Нет, Роза не столь легкомысленна. Но сиюворобуду и корнито ей приобрести было просто необходимо. До каких пор можно одолявать у соседей?

Мартыньш почти каждый день приносил домой новую книгу. Входя в комнату, он весело

Рисунки И. Поливанова.

улыбался и, хитро подмигивая Розе, хлопал рукой по портфелю.

— Роза, угадай, что у меня здесь? «Нормативы переменного тока Кинкерцоллерал и представить себе—всего за двадцать рублей!»

А Роза как раз в это время замечала, что каблук на коричневых ботинках Мартиниш совершенно стоптался.

— Завтра обуешь черные,— говорила она,— а эти нужно отвести к сапожнику!
Вот так и таяли их «большие деньги»...

С того дня, когда Мартиниш стал работать в ремесленном училище, Роза ходила на завод одна. Обычно из ходьбы ничего не получалось—шляпа всегда это был отвратительный баб, Роза всегда ставила сумочку часов на пять минут вперед, но именно эти пять минут ей всегда и не хватало. Между прочим, и часы следовало бы приобрести более надежные, чтобы они не останавливались так часто... Об этом надлежало подумать Мартинишу. Но Розе он думал о чем-нибудь, кроме своих книг...

Однажды, спеша на работу, Роза заметила молодую, элегантно одетую женщину. Женщина была такой нарядной и красивой, что невольно привлекала внимание. Никакая забота не омрачала ее лица, шляпа она не спеша и в руках держала букетик подснежников.

Роза проводила женщину зачарованным взглядом, провела рукой по своему потертому летнему пальто и побежала на завод.

Потом Роза встретила красавую женщину почти каждой день, и женщина эта, хотя и была незнакомой и чужой, стала играть в ее жизни важную роль.

«Нет, несчастная я,—думала Роза.—У нас с Мартинишем слишком мало денег. Слишком мало... Вот она, эта красивая женщина, действительно счастливая...»

И Роза еще дорогу до заводских ворот думала о том, какая, должно быть, прекрасна обставленная квартира у этой женщины, какой заботливый у нее муж и как он гордится своей женой, какая богатая и приятная у нее жизнь.

А потом Роза с жалостью думала о себе, о том, что после работы ей опять придется покупать рыбное филе, что сейчас никак нельзя отвести портище летнее пальто...

Все чаще Роза стала вспоминать слова Веры. В самом деле, почему Мартиниш так мало зарабатывает? Ведь другие мужья получают гораздо больше! Почему Мартиниш ничего не сделал для того, чтобы они могли лучше жить?

Однажды вечером, когда сердце Розы было до краев наполнено обидой, она сказала Мартинишу:

— Делай, что хочешь, но до зарплат я не dotnyu...

Последовала длинная ссора, по счету вторая после их женитьбы. Потом они, правда, помирились, но ночью Роза плохо спала и на работу пошла усталая.

Красивая женщина снова встретилась Розе. Но на этот раз она была не одна, ее вел под руку толстый, красноречивый и уже немолодой мужчина. Нет, он не глядя на свою молодую жену и не отдаваясь ее красоте, он тяжело дышал и время от времени вытирал потный лоб...

Роза уже опаздывала, ей нужно было бежать, но она остановилась и долго смотрела им вслед.

Она почувствовала себя счастливой. «Хорошо,—подумала она,— что у меня Мартиниш. Очень хорошо! Даже если у нас иногда мало денег и многоговать заб...»

Так, дорогой читатель, мы снова вернулись к вопросу о любви.

Перевод с литовского
Татьяны ИЛЛЕШ.

МУХОЛОВКА ПОМОГА

Метрах в десяти от берега из воды торчат несколько камышинок. Одну из них облюбовала сероватая итчанка—мухоловка. Она изредка вылезает и, поймав насекомое, опять садится на привычное место. Но вот оно! Камышинок раздается сильный шелест, летят брызги, и мухоловка, испугавшись, улетает в лес.

Наклевистой удочке у меня нет, а поймать крупную рыбу, приваивая итчанку на большую бабочку, очень хочется. Я забрасываю на измятинку обычную удочку, но без поклевки, насадив вместо червя двух белых бабочек-мухоловок. Они расщепляются и спускаются все ниже и ниже...

Сноп искривился брызгал! Могучий рыбак Подсечка—и сильная рыба бросается в воду по течению. Однако ее усилия напрасны: червя несколько минут на моем крючке ходит круный голышь.

«БЕИ СКОРЕЕ!»

Стоит жаркий день. Рыба все отвергает: червя, давящего мотыля, тесто и другие ручейника. Нам с приятелем становится скучно, и мы перестаем глядеть на поклевки. Вдруг повеселел, приятель начинает быстро раздвигать. Вот он по полю входит в воду и, окупавшись, кричит:
— Давай сюда!
Через полминуты с ву-

лярным из-под опарыши—все равно рыба на него не клюет—я стою рядом с приятелем.

— На плече. Бей скорее, а то улетит!—говорит он. Прихлопнул здравоего серого сачка, я опустил его в пузырек, а приятель уже говорит:

— На спине. Только не спугни. Признаться, я не всегда быстро прихлопываю сачком, и приятелью приходится терпеть их укусы.

Через полчаса в пузырьке клопнется несколько десятков слятей. Почесываясь, приятель идет за мной на клеонку. Здесь мы снимаем с лесок грузила и поплавы, насаживаем на крючки слятей. Как только течение отнесит их на пять—шесть метров, следует резкая голышиная поклевка.

НА ПОЛУДНОКУ

За мясным, нездалею от берега, поросшего черемукой,—лучшее омуновое место. Здесь мы с приятелем и ставим свою удочку. На червя не клюет, и мы нацелим мальков. Одну из удочек я настраиваю на полуденку: леску отбрасую подлиннее, груз кладу на дно.

Вскоре подосею на нее окуня, потом—второго, третьего. А на поплавочные удочки совсем не клюет. Вода чистая, и я хорошо вижу, что происходит на дне. Вот откуда-то выскользнула и его соседка. Мой поплавочный удочник, устремляется к его соседке. Мой приятель недоумевает: в чем же дело?

Клев на полуденку продолжается, но мне не терпится раскрыть приятелю секрет. Ведь мальек стремится в верхние слои воды. На поплавочный удочник он ходит вокруг груза, будучи приваиванный, или поднимается выше, плавав около мятнутой лески. Мальек же полуденку двигается в воде

естественно, не возбуждая подозрений хищника, и только же окуня не боятся лески, идущей со дна вверх.

РОМАШКА ВМЕСТО БАБОЧКИ

Видимо, ястреб с бабочками и раздвигает еще в поле. Как это случилось—вопрос второстепенный. Важно другое: на что я стану ловить? Мелкорушное было мысль попросить бабочку у товарища отговорок: во-первых, у него этой насадки немного, да, кроме того, только начавшиеся рыболовы итчанки друг у друга то иркунок, то грузики, то червяки. И так я раздумывало, приятель вытискивает из воды голыши и подсаживает.

Вреду по берегу с надеждой поймать хоть одну бабочку. Однако они, как назло, на дугу не попадаются. Я вижу пчел, имеели, брызговики и еще каких-то летающих насекомых, но только не бабочек. Вдруг в траве мелькает что-то белое. Но когда я подкравываюсь поближе, вижу цветок ромашки! А что, если попробую?

Первый же заброс крючка, на который насажено несколько заветных крупиц ромашки, приносит успех и вытягиваю поплавока. Потом—второго, на нем—голыша... Домой возвращаюсь почти с полным ведром, как и мой приятель.

Я. КИСЕЛЕВ

ЛОДИ БОЛЬШОЙ ПАМЯТИ

Деятельная жена Глазговеца в 1926 году демонстрировала свои выдающиеся способности перед учениками Ленинградского. Она мгновенно запомнила длинный ряд цифр, в уме возводила в квадрат и куб трехзначные и извлекла кубический корень из десятизначных чисел. Настольно все это трудно, может убедить каждого, попробовав с одного взгляда запомнить хотя бы десяток однозначных цифр. А Глазговеца запомнила сразу сорочку!

Исключительной памятью обладал грен Перинз Дилантин, легко запомнивший большие группы цифр и перемножавший в уме пятизначное число на десятичное. Д. Н. Голштейн, которому Дилантин в 1900 году показывал свое искусство говорил: «Меня поразила в нем удивительная и такая ценная способность: отвлечься от всего окружающего и так сосредоточиться, что мысль внутри себя на одном вопросе!»

Проессовской памятью удивил своих современников А. С. Пушкин. Еще десятилетием раньше он знал наизусть все лучшие творения французского поэта. Перед высылкой из Петербурга поэт по требованию графа Милорадова на память написал все так называемые «бюваровские» стихи — свои и чужие, ходившие в списках под его именем. Это составило целую тетрадь. «Стоило ему что-либо прочесть, чтобы

навегда помнить», — писал о Пушкине один из его друзей.

Мы обратились в лабораторию развития мозга Института педиатрии Академии медицинских наук СССР с просьбой рассказать, чем объясняется такое исключительное развитие памяти у отдельных людей. Научный сотрудник лаборатории В. В. Лебедев сообщил нам следующее:

Принято считать, что чем больше память человека, тем больше у него знаний. Однако не менее важно и обратное положение: чем обширнее знания человека, тем больше его памяти. Память — это след от разрабатывания в коре полушарий головного мозга, в результате которого образуется связь между нервными клетками. Запомнить — значит связать новое с уже известным. Следовательно, человек, обладающий большим и разнообразным запасом знаний, легче установит связь между предметами и явлениями, и связь эта надежнее и его запомнить. Выделился память в подавляющем большинстве случаев основана на исключительном развитии смысловой памяти, которая запоминание носит не механический характер, а имеет сознательные назначения. Память не есть бус на нитке, а развивается вместе с ростом и развитием человека. Путем постоянных упражнений ее можно значительно улучшить.

В. А. ЛЕСКОВ

минут президиум безуспешно пытался утихомирить студентов, но в конце концов вынужден был закрыть заседание — заседание задолго до завершения установленного ритуала.

Администрация университета была потрясена происшедшим. Бюроизбирательный комитет Глазговего университета лорд Войд Орт назначил студентов кадетскими, лишеными разума и чувства юмора».

«Меня это не очень обеспокоило. В юные концы, и принимаю подсобным выходом и палатой общин», — добавил министр с усмешкой.

Любопытное объяснение причин скандала в Глазго давал профессор истории, организаторов — риториков — заседание по инициативе руководителя совета, главными виновниками безобразий были названы исключенных из университета студентов, пробравшихся в зал с поддельными билетами. «Кроме того», — добавил представитель совета, — намерена на непопулярности среди молодежи консервативной партии, членом которой является Батлер, — тут сыгран свою роль и политические мотивы».

Таким образом, судя по этому, не только студенты, да еще консервативные газеты, большинство участников обструкционному припадкам главной партии. Этот же корреспондент полагает, что причиной срыва риторических торжеств в Глазго был историко-политический инцидент (написанных вырванных) члена Батлера — «Страна надежды и славы» — необходимость поддержать некое Британское империи в нашем мемориале и в связи острого конфликта мир». Доклад министра заканчивался следующей возмущительной фразой: «Мы, шотландцы, размыслили, что риска уничтожения до негласно уничтожения Англии в случае атомной войны». Речь следует становиться меньше, чем порою расстав». «Гордо студента дисциплнировать студентов-шотландцев, да еще консервативно настроенные, видимо, не выдержали...».

И. ВАДИН

СЛУЧАЙ НА ЭКЗАМЕНЕ

Скандал в Глазго

Не так давно в самом большом зале старинного шотландского города Глазго в присутствии более двух тысяч студентов и журналистов знавших гостей происходила торжественная церемония по случаю избрания почетным ректором университета Глазго одного из внутренних дел английского правительства Батлера и назначения его ректором университета Глазго. На только президиум и почетные гости заняли свои места, а кандидат в ректоры начал традиционную речь, из зала и галереи в них полетели различные предметы и овощи. Булавные «бомбы», начиненные му-

ной и сажой. «Обстрел» сопровождался двумя канонадами из автоматического системы и оглушительным шумом петард. В результате этой обструкции вылет с мундир убрал Батлера прямо в зал, и, разоблажив, попытал министра с головы до ног перевернуть. Сидящая у него была засыпана и сиденная в президиуме вице-президента Алис Кэмпбелл. Находящийся в числе гостей ректор Аббердинского университета Байнарман пытался урезонить аудиторию, но безуспешно, но только уже получил для себя и своих друзей много гильмиш помидоров.

В течение тридцати пяти

КРЕКСОРД

Составил Е. Григорьев

3x3 grid with numbers 1-34 and some empty cells for a crossword puzzle.

15. Денция, выдающаяся в снот приподнятой палатке. 16. Птица, отряды чистирин. 19. Русский комсомолец от XIX века. 21. Шариата. 22. Химический элемент. 23. Садовое растение. 24. Горное село на Кавказе. 25. Остров в Средиземном море. 29. Отверстие в устье для вылета игол. 30. Горы в Западной Румынии.

По горизонтали:

- 7. Спутник планеты Уран. 8. Вершина Главного Кавказского хребта. 9. Научное предположение. 11. Спиральное молоток. 12. Город в Японии. 13. Опера Ж. Массне. 14. Денежная единица. 15. Фольклорный жанр. 17. Последний роман И. С. Тургенева. 18. Рок в Индии. 19. Город, где будет проходить VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов СССР. 28. Курорт на Черноморском побережье. 27. Рассказ А. П. Чехова. 28. Редакционный министр. 31. Испанский танец. 32. Советский институт. 33. Лавра в Ленинградской премир. 33. Чековец, занимающийся изучением истории и культуры Китая. 34. Государство в Южной Америке.

По вертикали:

- 1. Русский путешественник. 2. Французский баснописец. 3. Крошечный млекопитающий.

- 4. Механизм ткацкого станка. 5. Порт на южном берегу Мурманска. 6. Стихотворение в Монголии. 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.

Первая страница обложки: Альпинистская пещера. Фотограф Ю. Кривоногова. Четвертая страница обложки: Горная грядовина. Фото В. Гиндлера.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина. Рукописи не возвращаются. Технический редактор О. Шваба.

Адрес редакции: Москва - д. 47, 1-я улица Янгинского поля. 28. Телефонны: Сенегарат - Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очерков и публицистики, филологии и спорта, информации — Д 3-36-80, письма — Д 3-31-68, оформления, иллюстрирование — Д 3-34-22.

А 01428. Подписано к печати 10/VI 1958 г. Тираж 365 000 экз. Изд. № 655. Заплата 1258. Формат бумаги 70x108/8. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л. Отдана в печать типографией газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена номера
2 руб.

